

А.КОВАЛЕНКО

СКАЗ О МАСТЕРЕ

**БИБЛИОГРАФИЯ, РАССКАЗЫ,
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭССЕ**

**СЕВАСТОПОЛЬ
2011**

А.И.Коваленко. Сказ о Мастере. Сборник рассказов и автобиографических эссе. - Севастополь, 2011. - 120 с.: ил.

Автор - Коваленко Анатолий Иванович является профессиональным искусствоведам, ученым и педагогом. Рассказы и эссе, представленные на суд читателя, - это его художественно-эстетические представления о современном мире, его ощущения о жизни и уходящей эпохе. Некоторые из них несут автобиографический характер и повествуют о событиях, участником которых он сам являлся.

Для моих друзей, близких и родственников, которым интересно мое творчество.

© А.И.Коваленко - составление, макет,
компьютерная верстка, 2008-2011

СКАЗ О МАСТЕРЕ

Коваленко

Анатолий Иванович, 1949 г.р.

Художник, педагог, искусствовед, ученый.

Кандидат искусствоведческих наук, профессор

О СЕБЕ И СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

Творческая деятельность моя началась в начале 70-х годов XX столетия, когда я, будучи еще начинающим художником технической эстетики, писал картины, создавал рекламу и плакаты на Курской АЭС (1971-1981 гг.), а затем - КАМАЗе (Набережные Челны, Татария. 1982-1987 гг.). Это были годы набирания опыта и начало пути в Большое искусство, завершившиеся учебой в Высшем художественно-промышленном училище (1971-1976 гг., - г.Москва) и Уральском государственном университете (факультет теории и истории искусства, 1985-1991 гг., - г. Свердловск (Екатеринбург)).

В полной же мере мое творчество развернулось со второй половины 80-х годов XX столетия, когда со своей семьей переехал на новое место жительства, - Полтаву (Украина). Работая в Областном научно-методическом центре народного творчества я тогда много ездил по городам, селам и районным центрам Полтавщины: собирал и записывал фольклор, изучал и систематизировал народное творчество, организовывал и проводил художественные выставки мастеров народных промыслов, профессиональных и самодеятельных художников, составлял и издавал буклеты, каталоги художни-

ков, писал статьи по проблемам изучения старого и состоянию современного украинского изобразительного и прикладного искусства. По моей инициативе и при непосредственном участии в 1988 году в Полтаве был создан один из первых музеев «Народного и самодеятельного искусства» в Украине, который и поныне является частью и гордостью художественной жизни Полтавщины. Важное место в моей творческой деятельности занимала организация ежегодного «містечка майстрів», проходившего в знаменитых Сорочинцах под Миргородом и хорошо описанного украинским писателем Н.В.Гоголем.

Наряду с этим живя в Полтаве я начал собирать, изучать и систематизировать материал о жизни и творчестве одного из ярких и неординарных личностей Серебряного века – Ивана Григорьевича Мясоедова (1881-1953) - сына известного художника-передвижника Г.Г.Мясоедова, когда-то жившего в Павленках - предместья Полтавы. Эта работа приняла у меня систематический характер и заняла 11-ти лет моей творческой жизни. За это время были выявлены и каталогизированы многие произведения и архивные материалы Ивана Мясоедова, которые до меня были известны лишь по редким публикациям в дореволюционных изданиях или по публикациям за рубежом. В 1992 году я участвовал в создании в Вадуце (княжество Лихтенштейн) Общества искусств им. Ив. Мясоедова, известного там как Евг. Зотов; В самой же Полтаве на мои собственные средства была установлена мемориальная доска на доме Ивана Мясоедова в Павленках (1993 г.); с моей же помощью были организованы и проведены две ретроспективные выставки произведений этого художника: в Историческом музее Вадуца (1997 г.) и в Государственной Третьяковской галерее в Москве (1998 г.).

Работа по изучению жизни и творчества И.Г.Мясоедова впоследствии получила логическое завершение в виде монографии: «Иван Мясоедов - художник Серебряного века», изданной мною уже в Севастополе в 1998 году, а так же защитой диссертации: «Творча спадщина І.Г.Мясоедова (Дослідження методу стилетворення в українському образотворчому мистецтві на початку ХХ століття)», которая успешно прошла при Львовской академии художеств в 2002 году.

Там же, в Полтаве, (с начала 1993 года) я начал работать в должности Заместителя директора по учебно-воспитательной работе Полтавской школы искусств, где много сил и энергии отдавал организационным и воспитательным процессам детской школы искусств. Провел ряд реформ и реорганизацию театрального, хореографического и изобразительного отделений по повышению качества

образования и уровня подготовки учащихся, что было продемонстрировано на отчетных выставках и концертах Полтавской школы искусств в Областном театре им. Н.В.Гоголя.

В Севастополе я вместе со своей семьей (женой и сыном) живу и работаю с 1996 года. Будучи ученым и педагогом по призванию, много труда и сил вкладываю и продолжаю вкладывать в изучение этнических традиций крымского народа и ее художественной культуры как прошлой, так и настоящей: пишу монографии и статьи по проблемам стиля в архитектуре Крыма, старых и современных мастерах изобразительного искусства, публикую их в научных сборниках и журналах, в которых рассматриваю сложные процессы, существующие на современном арт-рынке Севастополя и Крыма; нахожу и пропагандирую забытые имена в искусстве; со своими научными докладами участвую в международных и региональных конференциях и чтениях. Сегодня в моем творческом багаже четыре авторские монографии, одно учебное пособие, два альбома, пять сборников и более сотни статей в журналах и сборниках Украины, России и Западной Европы.

Много сил мною отдается педагогической работе: в Севастопольском государственном техническом университете (1997-2000 гг.), в Художественно-производственном училище № 13 (2000-2001), в Севастопольском филиале Санкт-Петербургского гуманитарного университета Профсоюзов (2002-2005), в Севастопольском филиале Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП) и др.

С ноября 2005 года я - директор, а затем - Заместитель директора Севастопольского филиала Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП), где наряду с организационными мероприятиями читаю лекции из курса гуманитарных наук. За все это время мною было организовано и проведено более пяти Региональных научно-методических конференций, на которых участвовали многие ученые Украины, России и Крыма.

Одновременно я продолжаю активно участвовать во всех художественных мероприятиях города, проводимых Севастопольским художественным музеем, крымскими региональными союзами или Севастопольской организацией Национального Союза художников Украины.

В ноябре 2007 года присвоено звание ПРОФЕССОРА.

Член Национального Союза художников Украины с 2002 года.

Рассказы, Автобиографические эссе

А Коваленко.
Фото - 2009 г.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long trailing stroke.

НА КОНЦЕРТЕ ВЕРТИНСКОГО

Пронизывающий ветер со свистом врывается в щели старого холодного вагона электрички. За окном проносились телеграфные столбы и пучки света, словно молнии освещающие дремавших и закутанных в верхнее пальто пассажиров, которые как котята в лукошке, теснились друг к другу, пытаясь согреться. В вагоне пахло прокуренным табаком, угольной гарью, проникающей от топки паровоза сквозь разбитые стекла и расхлябанные двери тамбура, холодным морозным воздухом и еще чем-то застоявшимся и вьевшимся в деревянные и уже почерневшие от времени стенки вагона и скамеек.

Почему они оказались здесь и куда ехали он не знал. Своим худеньким тельцем в холодном демисезонном пальтишке и новых коричневых ботинках, купленных ему накануне специально для этой поездки, он жался к своей тети, которую и назвать-то тетей было нельзя, так как она была всего-то старше его лет на десять - двенадцать. Нина - родная сестра матери была моим кумиром и товарищем одновременно, так как собственную мать я не помнил. Она умерла когда мне было месяца три-четыре от роду.

Пригревшись у ее теплого и пахнущего молодостью бока я начал уже было дремать, как вдруг услышал какое-то всеобщее движение в вагоне и голос Нины: «Толик! Просыпайся, приехали». Открывать глаза мучительно не хотелось, но тетя собирая узелок с вещами уже стояла надо мной и торопила.

Сквозь грязные стекла вагона виднелась площадь перрона и слышались звуки динамика, хриплым голосом что-то вещающим прибывшим.

Сойдя с подножки вагона, они заспешили вдоль состава. Пассажиров было мало, да и те как-то быстро рассеялись в проглатывающей темноте перрона. Он с изумлением остановился возле огромных железных колес паровоза, который недовольно шипел, выпуская пар из котлов. Сизый дым валил из черных труб, который удушливым запахом стелился по перрону. Вдруг эта громадина неожиданно и пронзительно резко засвистела и он с испугом схватился за руку Нины, еще теснее прижавшись к ней.

Ему еще не было семи лет и это была его первая поездка на паровозе, которого он никогда не видел. Казалось, что эта черная громадина с красной звездой во лбу вот вот оживет и пойдет по перрону, давя всех и вся на своем пути.

Станция, на которую они прибыли называлась «Курск». Это он сумел разобрать по уже знакомым буквам. «КУРСК» буквально нависал над монументальным и во все окна светящимся зданием.

Нина, - обращаюсь я к тете, - а что такое «Курск»? - Это город, - односложно и озабоченно ответила она торопя меня вперед. Мы спустились в слабо освещенный и грязный туннель, через который вскоре вышли на широкую привокзальную площадь. За ней, как огромный светящийся ковер растянулся город, который как страшный монстр вскоре поглотил нас...

Проснулся я в теплой мягкой постели, укрытый легким пуховым и жарким одеялом. Выйдя из спальни, шлепая босыми ногами по домотканым полосатым дорожкам, вошел в просторную кухню. За столом уже сидела моя родная Нина, мирно беседуя с какой-то женщиной, по деревенски прихлебывая чай из блюдечка, откусывая крепкими зубами кусочки твердого сахара и заедая бубликами, горкой лежащих в высокой стеклянной вазе.

Вскоре из соседней комнаты высунулся толстый взъерошенный и вспухший ото сна мальчишка, которого, как выяс-

нилось, звали Вася. Сытно накормив нас городскими гостинцами в виде колбас, сыра и пирожных с чаем, мы всей компанией отправились в цирк. День прошел на редкость быстро и интересно. Вечером тетя Нюра, у которой мы остановились накануне, объявила, что купила билеты в театр, где будет выступать Вертинский. Кто такой Вертинский, я понятия не имел, да и само название «театр» для меня было чем-то вроде слов «Москва» или «Волга». Да и откуда мне было знать такие слова. Жили мы в деревне. Отец, после смерти матери почти сразу же женился и вскоре у него появились свои дети. Жили трудно и небогато. На лето, а иногда зимой он отправлял меня к родственникам своей первой жены, также жившим в деревне, но в километрах двадцати от их села. Однако для меня они были самыми яркими эпизодами моего детства. Цветастые луга с высокими пахнущими травами, яблоневого и вишневого сады делали мое детство прекрасной сказкой. Многочисленные тетки, дядька Михаил и дед Мартын с бабкой Агриппой по-своему любили меня и старались развить мои способности в меру своих знаний и сил.

Не мало для моего воспитания делал и отец. Девятнадцатилетним мальчишкой он инвалидом пришел с фронта. Без ноги и с более чем двадцати осколочными ранениями по всему телу и в голову, мой отец стал для меня героем той проклятой войны и примером для подражания. Кто еще может похвастать таким отцом, - за девять месяцев участия в боевых сражениях он получил орден Отечественной войны II степени и несколько медалей, в том числе за мужество и отвагу.

Родившись и всю жизнь прожив в селе, он не был похож на деревенского жителя. Природный ум и интеллигентность резко выделяли его из крестьянской среды. Мягко и на собственных примерах он показывал нам, детям, как правильно себя вести, говорить и поступать в той или иной ситуации. А его интеллигентность делала его непохожим на своих сельских сородичей. Вот почему мое развитие никак не укладывалось в понятие «сельский житель». Казалось во мне было что-то бунтарское, которое выступало против всего грубого, хамского и принижающе убогого. Вероятно где-то в

отцовских, а в большей степени - материнских генах была кровь породистых предков. Недаром фамилия моей матери до замужества была Богомазова. Уже значительно позднее, незадолго до смерти своего родного деда Мартына по материнской линии, я как-то его спросил: «Откуда род наш пошел, деда?» На что он мне ответил, что в конце XIX века его отца, - богомаза по профессии, пригласил из Македонии русский император Николай II Александрович расписывать церкви. Но тогда в Санкт Петербурге ему место не нашлось и его отправили в Курск, где возводились новые церкви и соборы. Так и осели они здесь. Здесь он женился и появились дети.

Анализируя свою теперешнюю «взрослую» жизнь, я думаю, что где-то тут возможно и кроется правда моего мальчишеского восприятия жизни и моей тяги к прекрасному...

Вечером того же дня, одев во все чистое, нас повели в театр. Большой красивый дом, светящийся огнями, сразу поразил меня и захватил своей экзотикой. Места наши были в партере, но за спинами взрослых я ничего не видел, что делается впереди, на сцене, хотя концерт еще не начался. Похныкав для приличия, я попросился отпустить меня поближе к сцене и Нина, посоветовавшись со своей подружкой, разрешила, наказав мне вести себя прилично.

...Откуда-то тихо заиграла музыка и в зале медленно погас свет. На сцену вышла женщина в сверкающем, как рыбная чешуя, платье, которая долго что-то говорила о музыке, поэзии. Звучали имена Есенина, Маяковского, Блока, Бурлюка и других неведомых мне имен. Наконец вновь тихо зазвучала музыка и на сцену вышел в черном блестящем пиджаке и ярком цветастом галстуке невысокий

лысоватый с подвижной фигурой и лицом мужчины. Когда он заговорил, - голос его несколько картавый, поразил меня своим тембром. Бархатный и удивительно приятный, он сразу покори́л меня. Чтобы лучше видеть все, я подошел вплотную к рампе сцены и уцепившись за его выступ буквально впился глазами в этого человека. Он был настолько близок ко мне, что можно было разглядеть каждую деталь его одежды и до блеска начищенных штиблет.

В бананово-лимонном Сингапуре, в бури,
Когда поет и плещет океан...

Казалось само солнце ослепило эту фигуру и из этого сияния льются слова удивительной теплоты и радости бытия. И в то же время в его голосе была какая-то особая тоска и загадочная печаль.

В вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевом электрическом раю,
Всю ночь ломаю руки
От ярости и муки
И людям что-то жалобно пою...

Где я? Что со мной? Я чувствовал, что мое лицо превратилось в маску. Ощущение времени и места я потерял совершенно. Я даже не понял, что сделалось со мной, когда Вертинский, вероятно заметив мое изумление, удивленно-застывшее лицо, вдруг нагнулся ко мне и не то взъерошил, не то погладил мои черные как смола волосы и вновь, как насмешка над нами несмышленышами зазвучали его слова:

У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня,
Все, над чем я смеялся когда-то,
Все теперь восхищает меня...

...Мы вышли из театра. Толпа шумела вокруг нас. О чем-то оживленно беседовали Нина со своей знакомой. Ва-

святка, прыгая вокруг них, что-то кричал и смеялся. Я шел с ними, крепко держа Нину за руку и смущенно молчал. Меня никак не отпускала эта сцена, тихая проникающая в душу музыка и образ обаятельного, красивого человека, имя которого тогда для меня еще ничего не значило...

10. 03.2002 г.

ДИАЛОГ С ВЕЧНОСТЬЮ

Над городом нависла тяжелая и мрачная пелена грозовых туч, периодически извергающих на редких прохожих почти пустынных улиц Херсона лавины холодного осеннего дождя. Тяжелые волны Понтийского моря с рокотом набегали на скалистый берег и недовольно урча скатывались обратно. Серые от дождя дома и улицы словно затаились в своем мрачном величии. И только на узкой улочке богатого квартала было заметно какое-то оживление. На высоком пороге дома, под открытой полукруглой аркой из тесанного камня стоял игумен Антоний. Лицо его словно окаменело то ли от горя, то ли от холодного дождливого и ветренного дня. Перед ним стояло человек семь-восемь женских фигур, закутанных в белые похоронные туники. Плакальщицы что-то причитали над телом усопшего младенца, лежащего на деревянной скамье у порога дома, в горести поднимая руки к небу. Вдруг, словно по команде, они прекратили свое причитание и став на одно колено перед маленьким белым свертком, почтительно склонили свои головы. Триж-

ды прочитав короткую молитву игумен знаком разрешил плакальщицам подняться с колен и вытаскивая из небольшого широкогорлого сосуда монеты стал раздавать каждой из них.

Вскоре потемневшая от дождя и наступающих сумерок улица опустела, а игумен Антоний и присоединившиеся к нему родственники еще некоторое время молча стояли над тельцем умершего младенца. Затем, подойдя к ребенку, запелененному в белое полотнище, Антоний трижды перекрестил его и осторожно взяв на руки внес в домашний алтарь, ярко освещенный светильниками, горевших в специальных нишах. Держа на весу свою ношу он опустился на колени и сдвинув в сторону беломраморную крышку, осторожно и тщательно уложил его в неглубокую прямоугольную каменную могилку, вырубленную в скалистом грунте чуть в стороне от входа в жилище. Затем, так же молча, в полном безмолвии, он взял глиняный сосуд, наполненный пахучей и вязкой жидкостью и осторожно, словно боясь разбудить младенца, стал вливать эту массу в мраморную форму. Постепенно ткань и стенки углубления пропитались благовониями и заполнили его почти до краев. Взяв коротенькую циновку, сплетенную домочадцами к этому случаю со специальной символикой Христа: виноградной лозой и голубя, сидящего на вазе,

игумен закрыл отверстие прямоугольника и сверху вставил мраморную крышку, которая строго и почти без зазора легла в специальное углубление таким образом, что края ее не выступали на мраморе алтаря...

Мы молча стояли у разрушенного тысячелетиями алтаря и как-то по-особому внимали его трагическое прошлое. В мозгу как молния сверкнули и пронеслись столетия истории когда-то гордого и величественного Херсонеса.

- Слушай, а зачем херсонеситы хоронили детей у себя в домах? – спросила меня моя спутница.

- Дело все в том, - начал я, - что этот похоронный обряд у горожан появился в первых веках нашей эры, когда Херсонес был под властью римлян. Римляне же считали, что умершие предки являются хранителями домашнего очага. Их души живут вечно и оберегает от несчастий. А хоронили они у себя в домах не только детей, но стариков и мужчин-воинов. Ты наверное заметила, - продолжал я, - что во многих домах херсонеситов в алтарном углу или просто на пороге дома в камне выдолблены прямоугольные отверстия. Вот в них-то и находились захоронения, сохранившиеся до наших дней.

- Это ты сам придумал? – спросила наивно она.

- Как это сам? – обидился он. Об этом свидетельствует история.

После некоторого молчания она тихо и задумчиво произнесла: «Как это странно и страшно, - стоять перед вечностью и вести с ней диалог»...

Словно боясь нарушить чей-то покой, супружеская пара стала осторожно отступать на улицу к свету и жаркому летнему солнцу. Потом они медленно и еще долго ходили по узким улочкам древнего Херсонеса, с благоговением рассматривая величавые его руины. Прошло два с лишним тысячелетия от описываемых событий. Давно уже не слышны на его улицах зазывающих голосов менял в лавках и веселый рокот рыбных базаров. К причалам морского порта не пристают купеческие корабли и заморские рыбацьи фелюги. Давно уже в домах бедных лачуг и богатых аристократов не горит огонь в светильниках и каминах. Да и самих-то домов уже нет. От них остались только руины и остатки крепостных стен. Но не спешите читатель покидать этот город. Вслушайся в эту тишину тысячелетий и ты услышишь их голоса. Голоса людей, спешавших по своим делам, стук колес высоких арб о мостовую, зазывные голоса водоносов и продавцов медной и керамической посуды, тяжелый монотонный рокот каботажной пристани...

Херсонес – это порт-крепость на краю земли, за которым начинается жизнь неведомых цивилизаций, морей и океанов. Его основали выходцы из Гераклеи Понтийской, вскоре превратив его в один из крупнейших городов-государств Северного Причерноморья. Он познал власть многих завоевателей: в горах обитали Тавры, в степях – кочевые племена Скифов и Сарматов, которые своими опустошительными набегами ослабляли экономику полиса. К концу II в. до н. э. Херсонеситы оказались в кольце вражеских сил и чтобы сохранить свою относительную независимость вынуждены были просить военной помощи у царя Понта Митридата VI, прозванного Евпатором «Благородным».

В 63-м году до н. э., после сложных и долгих переговоров, на херсонесскую землю вступили войска римских легионов. Начинался новый этап истории Херсонеса, ставшего к тому времени главной военной базой римского флота в Причерноморье. Но Херсонес все еще продолжал иметь статус свободного города: чеканил свою монету, имел собственные органы самоуправления, сильную экономику и торговлю. Во все стороны света херсонеситы отправляли свои корабли, набитые амфорами с вином, корзинами с разными сортами винограда и соленой рыбой. В городе существовал водопровод, строились христианские храмы, театры и богатые виллы для знати. Здесь проводились гладиаторские бои и олимпийские игры. Город окружали мощные оборонительные стены с крепостными башнями-бойницами.

Через сто лет на территорию Херсонеса пришло христианство. Пришло оно с посланником Христа апостолом Андреем Первозванным, который в 60-х годах прибыл в Боспор, а оттуда на корабле пристал к берегам Херсонеса. Однако должно было пройти еще триста лет, прежде чем христианство окончательно утвердится на этой земле. Это были годы великой депрессии. В 395 году огромная римская империя распалась на Западную и Восточную провинции. Херсонес вновь подвергся опустошительным набегам. На этот раз со стороны германо-франкских племен и гуннов, пришедших в Крым из степей Центральной Азии. Пройдя через весь полу-

остров эти кочевые и воинственные племена разоряли и подчиняли себе все римские провинции. Около ста лет борьбы привели в упадок политическую, культурную и экономическую структуру Херсонеса, а тут еще мощное землетрясение, произошедшее в 488 году...

На смену римским легионам пришла династия византийских правителей, а вместе с ними - укрепление христианства в Крыму. Началось мощное строительство базиликальных и крестово-купольных храмов. Была основана Херсонская епархия. Из Византии прибывали все новые и новые религиозные деятели, которые проповедовали культ единого Бога.

...Ближе к заутрени, когда домочадцы, уставшие от того суматошного дня, связанного с похоронами ребенка, спали тревожным и тяжелым сном, игумен Антоний стоял на

коленях перед чадящим и потрескивающим пламенем светильника и на греческом языке читал молитвы, обращенные к Богу Внемлящему. Он не сомкнул глаз с тех пор, как опустил в каменную могилку своего единственного сына – наследника, свою последнюю надежду. Сын был для него последним шансом кому он мог по наследству передать свой сан и должность. Дочери, которых у него было двое, могли утешить его душу, но веру он мог передать только сыну. И вот его не стало...

Словно в забытии начал вспоминать он те дни, когда в поисках истинной веры обратился с молитвой к Богу и тот дал ему наставление отправиться в далекое путешествие и нести с собой слово божье.

...Море ревело грозным прибоем, когда их корабль, опасно потрескивая всеми швами обшивки от ударов волн невероятной силы, с трудом пристал к каменистому берегу

Херсонеса. Это было около десяти лет тому назад. С тех пор в трудах и молитвах творил он чудо господне. Стремился воплотить в жизнь мечты человечества о равенстве, братстве, любви к ближнему. Он искал чуда и истину в новом, даже для него, религиозном сознании, а Он забрал его сына в царство мертвых...

Шепча словно в полусне и полусознании игумен Антоний повторил слова молитвы: «Я свет миру. Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»...

В конце X века Херсонес представлял собой торгово-аристократическую республику. Ремесла и торговля были основой экономического процветания. Однако в конце века в Таврику вступили новые завоеватели – Половцы. Называли они себя кыпчаками. Набеги половецких орд и походы русских князей перемежались заключением династических браков и мирными договорами.

В Корсунь (так называли в то время Херсонес) в 988 году пришел киевский Великий князь Владимир и взял его в осаду. Штурмом овладев городом он отправил своих послов в Константинополь и потребовал отдать ему в жены сестру византийского императора. «Крестись и пошлем к тебе сестру», - был ответ. В том же году князь Владимир принял крещение в одном из храмов Херсонеса, а еще через год крещение принимала вся киевская Русь...

Шли годы. В 1299 году Херсонес в очередной раз подвергся опустошительным набегам Ногая – предводителя татаро-монгольских орд, а в 1443 году было образовано Крымское ханство, столицей которого с XVI века стал Бахчисарай.

Херсонес угасал. Разграбленный и разрушенный он представлял собой мертвый город, где жизнь теплилась лишь на окраинах, а с XVIII века она прекратилась совсем. Постепенно Херсонес превратился в исторический и музейный комплекс, ставший излюбленным местом для ученых-археологов по изучению древностей.

...Мы ходили по размытым дождями и выветренным морскими ветрами мостовым, разглядывая величественные руины и прислушиваясь к их тысячилетнему шепоту. Ощущая на себе груз вечности, тихо разговаривая между собой, направились в сторону ворот музейного комплекса. На душе было спокойно и умиротворенно. Вечные проблемы современного бытия показались нам мелочными и какими-то блеклыми. Тысячелетия давили нас своим космическим масштабом и философским пониманием мимолетности нашего существования в этом мире...

12.05.2002 г.

ИИСУС ХРИСТОС

Иешуа – сын назаретянина медленно открыл глаза. В сумраке маленькой глинобитной комнатенки черным провалом темнела ниша в стене, куда накануне положил он свиток, перевязанный простой бечевкой. В нем была вся история его земной жизни – прошедшей и будущей. История, «написанная» им самим для тех, кто последует за его учением, кто с надеждой ждет от него избавления Израилева народа от многочисленных бедствий, обрушившихся в последнее время. Тридцать лет, как одно мгновение пронеслись в его энергетическом «мозгу», уложив всю земную историю в одну яркую образную картину.

Ночная прохлада и теплые, нагретые за день жарким солнцем стены, источали негу. Однако она не мешала ему думать. Сознание Иешуа остановилось на том мгновении, когда он, превращенный в сгусток еще не материализованной энергии, решением Троиственного Союза был перемещен во чрево юной девушки еще не ведавшей земной любви. Перемещен с целью превращения энергии Разума в человеческое подобие, задача которого была в скором примирении взбунтовавшихся народов и вселения надежды на благодат-

ный исход. Он, как часть вселенного Космического разума, должен стать частью Единого божественного, на котором изначально держится этот мир. Превратиться в Мессию среди человекоподобных, искусно наделенного «божественною» сущью. Конечно, этот Тройственный Союз мог бы решить их проблемы более радикальными методами, но в таком случае, победа Разума была бы кратковременной и не решала бы глобальных проблем вселенского благоденствия. Кроме того, могла возникнуть угроза раскрытия Их присутствия на этой дикой красной планете, чего никак нельзя было допустить. Поэтому был предложен метод более длительный для землян, но безболезненный для Союза, который рассчитывал способом внедрения вселенского Разума воспитать в этом народе зачатки собственного самосознания. Все должно произойти так, словно земляне придумали и сделали это сами.

Странная эта была планета, и странные народы ее населяли. Будучи космическим Разумом, он понимал все ее несовершенство.

Великая культура одних тут же соседствовала с варварством; дикие племена, пожирающие друг друга, сменялись цивилизациями, наделенными религиозным фанатизмом; процветание искусств – ремесел у одних и абсолютно дикие у других; жестокие кровавые войны и работорговля мирно соседствовали с богоискательством. Люди жили в вечном страхе за свою жизнь и из последних сил цеплялись за духовную ниточку, за надежду, которая согласно предсказаниям жрецов должна появиться в виде Мессии. И этой Мессией должен стать Он, посланный Разумом, спасти этот разрушающийся мир.

Когда Иешуа должен был появиться на свет от земной женщины, он уже знал, что ему была уготовлена сложная и трагичная роль. И несмотря на все усилия космического Разума подделаться под человеческий облик, ему так и не удалось скрыть энергетическую мощь, заложенную в него. Особенно это было заметно в дни солнечной и грозовой активности, когда вокруг его головы, словно венок из роз, возникало сияние. И часто видя этот нимб над головой люди па-

дали низ, узнавая в нем предсказанную жрецами Мессию. И неважно, было: показывал ли он перед ними чудеса, каковые не были чудесами или воскрешал из мертвых, каковые не были мертвыми, - люди видели в нем Символ предсказания, Символ единения всех рассорившихся народов. С двенадцати лет от села к селению ходил он в сопровождении толпы людей, жаждущих чуда и следовавших за ним день и ночь: одни из любопытства, другие в фанатичной вере, третьи в роли глядателя и доносителя. Одни видели в нем чудака, другие считали его Великим божеством, а третьи доносили о том, как смущал он народы своими рассуждениями об устройстве мира и разума, о том, что есть Истина, добро и зло.

Лежащий под тонкой холстиной, служившей ему и покрывалом на ночь и одновременно хитоном в его путешествиях, Иешуа вдруг прыснул от внезапно вспомнившегося комичного случая, вызвавшего и испуг, и удивление у названной матери Марии. Ему было несколько недель от роду (если говорить о человеческих мерках). По пути в Египет, спасаясь от преследования царя Ирода, Иосиф – сын Давида – и Мария с младенцем, уставшие остановились на привал у мелкой живописной речушки, заросшей кустарником и деревьями, на высоких ветвях которых красовались великолепные плоды. Достав уже надломленную краюху хлеба, горсть бобов и кожаный бурдюк с остатками красного вина. Мария стала раскрывать эту нехитрую трапезу на импровизированной подстилке. Иосиф, тем временем, занялся ослами,

Ему было несколько недель от роду (если говорить о человеческих мерках). По пути в Египет, спасаясь от преследования царя Ирода, Иосиф – сын Давида – и Мария с младенцем, уставшие остановились на привал у мелкой живописной речушки, заросшей кустарником и деревьями, на высоких ветвях которых красовались великолепные плоды. Достав уже надломленную краюху хлеба, горсть бобов и кожаный бурдюк с остатками красного вина. Мария стала раскрывать эту нехитрую трапезу на импровизированной подстилке. Иосиф, тем временем, занялся ослами,

которых требовалось накормить и напоить свежей водой из ручья. Младенец, лежа в яслях и видя уставшие и озабоченные лица своих приемных родителей, вдруг решил развеселить их. Не прилагая каких-либо усилий, а лишь дав волю своему воображению, он в одно мгновение населил лужайку разными тварями: косулями и ланями, белками и зайцами, павлинами и куропатками. Над зеленой лужайкой стайками летали разноцветные бабочки.

Мать Мария в испуге отскочила на несколько метров и как вкопанная стала под стволом дерева. Иешуа не унимался: ветви дерева вдруг опустились так низко, что прекрасные плоды легли ей на поднятые от удивления руки...

Долго еще судачили родители о чуде, устраиваясь на ночлег на старой подстилке у погасшего костра, подозрительно посматривая на своего как ни в чем посапывающего в своих яслях сына.

Однако не все так безобидно было у него. Мессия оказалась тяжелой и почти невыполнимой. Ожесточившиеся люди боялись собственной тени. Они не верили ни себе, ни правителям. Образ их жизни напоминал фарс: чем больше неприятностей было у его соседа, тем лучше было ему. Иешуа с удивлением и растерянностью наблюдал за ежедневным шествием карательных отрядов, ведущих на площади селений и городов для публичной казни воров и разбойников, обвиненных в колдовстве и совершенно невинных людей, запутавшихся в собственных убеждениях или не сумевших вовремя оплатить долги. Видел, как алчно и возбужденно, как на театральное действо ходили смотреть на казнь невинных те, за которых он должен был отдать свою жизнь в искушения их грехов.

Вначале он пытался помочь им, являя чудеса исцеления и обогащения. Но как алчно разгорались их глаза, когда в медном котелке с одной брошенной туда монетой вырастала целая горка золотых. Он пытался накормить их хлебами, но, проснувшись по утру, эти люди еще больше начинали враждовать между собою, отнимая хлеб у более слабых и беззащитных.

Тогда Иешуа переменял тактику и стал читать проповеди о добре и зле, о нравственности и совести, и видел как те же самые люди, которым он когда-то оказывал помощь, смеялись ему в лицо. Отчаяние Разума сменялось злостью на тех, кому он готов был помочь. Он увидел, что даже смирение и любовь к ближнему своему не приносит облегчения. Оно сменялось их предательством и хулой. И, казалось, из этого порочного круга нет выхода. Иешуа даже пошел на нарушение Закона Разума – собрал вокруг себя наиболее преданных, которых называл своими учениками. Наделил их Знанием. Но это мало, что изменило в их жизни. И понял он, что только физическая смерть его, как человека во плоти, может стать причиной излечения народов в их выборе своего исторического пути. Вот почему он ныне находится здесь, под стенами Иерусалима, где должно произойти событие, которое войдет в новейшую историю под названием «Всемирное движение народов во Христе».

Иешуа понимал, что его Мессия подходит к своему завершению. Задачи, поставленные перед ним Тройственным Союзом, оказались невыполнимыми. Он отзывает своего посланника Разума с этой планеты. Однако ему нужно будет пройти церемонию «ухода» как смертного человека, чтобы удовлетворить последние низменные желания этих варварских озлобленных людей. Иешуа знал, что с восходом солнца толпа выдаст его стражам для препровождения к прокуратору.

* * *

...Толпа яростно и в кроважадном восторге взывала, когда служители церемонии, натянув веревки, подняли вверх высокий деревянный крест с распятым на нем человеком, которого еще совсем недавно они называли Мессией и учителем.

Иешуа не чувствовал боли. Его внутренний энергетический центр уже заблокировал человеческие жизненные функции. Он знал: по римским законам казненного, на третий день выдадут родственникам для погребения. Вот почему последний раз окинув толпу людей помутневшим взглядом он приказал своему энергетическому центру вывести себя

из транса для последнего «чуда», чуда вознесения. Этот ритуал нужен был не ему и не Союзу, а людям, на которых возлагались последние надежды во всеобщее исцеление. Вознесение должно было доказать им существование единого

Бога и следование ему в мире и согласии. Бога, которого они давно ждали и жаждали верить в него.

...Иешуа открыл глаза и ни сколько увидел, а почувствовал, что лежит в нише каменной пещеры. От кровавых ран не осталось и следа. Откинув белую холстину, в которую он был завернут, Иешуа встал с камен-

ного приступа. Его тело вновь, как и прежде, налилось живым холодком и крепкой упругостью. Через неплотно закрытый каменной плитой проем пробивались лучи палящего солнца. Иешуа напряг волю и почувствовал присутствие за стенами стражников, в азарте играющих в кости. Усилием воли он заставил их встать и откатить тяжелый камень, закрывающий вход в пещеру, а в следующее мгновение они в ужасе кинулись прочь от пещеры не понимая, где и что они делают в этом месте. И сколько бы не спрашивали их впоследствии о том, что они чувствовали и видели, они не смогли дать вразумительного ответа.

А тем временем Мессия, пройдя сквозь толпы народа, никем не узнанный, направился в Гефсиманский сад, где уже собрались его ученики, горестно вздыхающие и обсуждающие как им поступать далее без своего Учителя.

Трудно было описать – испуг и изумление, когда увидели они Его, своего Учителя, как ни в чем не бывало поднимающегося по узой тропинке, петляющей между деревьями сада к старому домику, напротив которого полукольцом расположились его апостолы. Немую сцену, продолжающуюся,

казалось вечность, сменили крики радости и восторга. Апостол Петр, трижды отрекающийся от учителя и трижды им прощенный, в испуге спрятался за своего соседа. А Фома, встав с камня, с удивлением и недоверием вплотную подошел к тому, за кем еще недавно следовал по пятам. Тронув того за рукав, он повернул его к себе и внимательно посмотрел в глаза, словно желая убедиться, что пред ними Он, настоящий и чувственный. Затем, переведя взгляд на то место, где должны были находиться раны, он поднял накидку, служащей хитоном, и пальцем прикоснулся к телу Учителя. К его изумлению ни ран, ни следов от них на теле не было. Но это был, несомненно, Он, их Учитель. Все сомнения разом отпали, когда Иешуа заговорил. Его слова, казалось, исходили из его уст. Однако присутствующие чувствовали, что они как будто были частью их самих, частью их собственного сознания. И это сознание повелевало им идти за ним, их Учителем. Путь апостолов лежал по пути в Вифинию, что на востоке от Иерусалима. Не доходя до него, Иешуа вдруг повернул и направил свои стопы на гору Елеон, где устроил привал. Рассадив своих учеников кольцом вокруг себя, он чудесным образом высек огонь среди груды камней и не обращая внимания на их изумленные лица обратился к ним с речью. Говорил он тихо и проникновенно. Каждое слово, как глубокая космическая мысль, проникала в их души. Близился рассвет, а Иешуа все говорил и говорил: он наставлял их нести людям слово Божье, любить жизнь, людей и нести им веру в прекрасное будущее во Христе.

Первые лучи солнца блеснули из-за гор и осветились ярким нимбом вокруг головы их Учителя. И вдруг апостолы заметили, что образ Мессии странным образом осветился и стал медленно подниматься в гору. Учитель поднял руку, словно благословляя их, и... растаял в воздухе.

* * *

С неба, тихо шелестя к ногам присутствующих, упала накидка, служившая ему хитоном. На ней апостолы увидели легкие контуры Учителя...

КРОВАВАЯ ПЯТНИЦА

Конец апреля выдался на редкость дождливым. Холодный моросящий дождь сменялся проливными дождями, словно сама природа плакала за распятого Христа. Душа наполнилась грустью и тоскою. По запотевшим стеклам оконных створок причудливыми зигзагами спускались слезы покаяния. А в воздухе глухим набатом звучали колокола, доносящиеся из церковных звонниц. Господи, прости нас, детей твоих заблудших...

...С раннего утра узкую и извилистую улицу, по которой во все времена водили людей на заклание, запрудили разношерстные толпы зевак, охочих до кровавых представ-

лений. С громким возбуждением, свойственным для людей низшего сословия и бродяг, они дико вращали головами и повизгивали от возбуждения в ожидании главного зрелища, ради которого собрались здесь. И это событие не заставило их ждать. Где-то вдалеке вдруг раздался громкий рев толпы и этот рев волной докатился до римских легионеров, стоящих по обеим сторонам дороги не давая озверелой толпе сомкнуться. На их ли-

цах с видом усталой обреченности читалась одна только мысль – скорее бы все это закончилось. Другая часть легионеров теснилась вокруг главного судебного зрителя, восседающем на высоком гарцюющем коне у основания «Лысой горы», впоследствии получившей название «Голгофа».

Тем временем по поведению толпы было видно, что процессия приближается. Рев становился все яростнее и громче. Но вот и он – тот, который называл себя Мессией. Трудно было представить себе более страшное зрелище, что предстало перед глазами жаждущих: по дороге согнувшись и пошатываясь под тяжестью огромного креста, лежащего на его плечах, с трудом плелся человек весь окровавленный от многочисленных побоев и рассекающих плетей, которые сыпались на него слева и справа. Шипы тернового венца глубоко врезались в окровавленную голову вызывая и без того нестерпимую боль. Длинные волосы спадающие ему на чело были грязны от пыли, пота и крови. В широко раскрытых глазах, из которых текли кровавые слезы, застыл ужас. И только распухшие губы чуть слышно шептали: «Прости их господи. Они сами не ведают, что творят»...

Огромный крест давил своей тяжестью. Свистящие плети то валили его с ног, то вновь, преодолевая боль, заставляли подниматься и делать несколько неверных шагов до следующего жестокого удара.

Раздвинув грудью коня легионеров и зевая толпы, судебный смотритель подъехал к начальнику стражи и что-то коротко сказав жестом указал на одного из немногих людей со страданием смотрящего на мученика. Тот немедленно подошел и больно ткнув того жезлом показал жестом, чтобы тот помог тому, кто называл себя Мессией, поднять крест на вершину Голгофы. Одной рукой поддерживая Христа, другой обхватив выкальзывающий от крови крест, под всеобщее улюлюканье невольный помощник вместе с мучеником медленно двинулись по извилистой тропинке вверх горы...

Колокольный звон набатом все продолжал и продолжал гудеть над городом. Тысячи людей, собравшихся на молитвы в храмах замаливали свои грехи. А вокруг этих храмов зеленела сочная, омытая дождями трава, на которой алели яркие красные маки. И эти маки были кровью Христовой...

30.IV.2005 г.

Я СЕБЯ ОТ ЛЕНИНА ЧИЩУ

Тяжелые свинцовые тучи нависли над городом, через которые время от времени проглядывало неяркое розовое солнце и тут же пряталось, словно устыдившись собственной смелости. Трескучий мороз оклеил и ослепил тускло светящиеся витрины полупустых магазинов и кафе. И только потухшим бриллиантом мерцал на площади «снежный городок», построенный из льда для уральских детишек. Возле этого городка нелепой случайностью выглядела гранитная статуя Ильича, стоящая на пьедестале.

Площадь была пустынна и печальна. И эту печаль нарушали лишь редкие прохожие, осмелившиеся выйти на улицу в такой трескучий мороз. Но ни этот мороз, ни начинающуюся метелицу словно не замечал молодой человек, одиноко стоящий у гранитного пьедестала. По его сосредоточенному лицу было видно, что он ведет какой-то странный, немой диалог с фигурой, стоящей на этом пьедестале. Пристально вглядываясь в заснеженное лицо, он ловил только ему слышимый тихий шелест слов, вылетающих из замерзших губ вождя. Наконец молодой человек, упрямо тряхнув головой и буркнув под нос в адрес гранитного монумента что-то свое сердитое, сделал шаг в сторону и только тогда заметил, что ему давно уже пора бежать на занятия в свой университет.

Давай, читатель, я познакомлю тебя с этим «странным» молодым человеком. Впрочем, странность его только этим и ограничивается. Вот который год подряд ведет он этот немой диалог с «вождем революции» и никак не может с ним наговориться.

Впервые нашего героя подвергли массивированной психологической обработке по созданию верного ленинца, идеологически подкованной личности и будущего строителя коммунизма еще в начале 70-х годов XX столетия (как, впрочем, и миллионов других представителей человекоподобных в СССР), когда волею судьбы он попал на Всесоюзную комсомольскую стройку, под названием «Курская АЭС». Работая, как сегодня бы сказали, - художником технической эстетики,

он сам стал деятельной частью идеологической пропаганды за прекрасное будущее советского человека: писал плакаты, первомайские лозунги и социалистические обязательства. Ленинский образ коммунистического будущего стал неотъемлемой частью его мысли и жизни. Но странное дело, чем больше вникал он в марксистско-ленинскую идеологию, тем больше возникало у него вопросов к самим пропагандистам и идеологам марксистско-ленинской идеи. Правда, это никак не мешало ему за этот период стать дважды ударником коммунистического труда. В одном только ему не везло – все четыре его попытки вступить в коммунистическую партию окончились неудачей. И все это оттого, что захотел он изменить саму партию изнутри, заставить ее членов больше думать не о своей карьере и своем обогащении, а о народе, сеять в обществе семена разума и справедливости. Словом был он тогда законченным идеалистом.

Вот тогда-то и зародилась у него мысль – изучить труды В.И. Ленина и других идеологов коммунистической идеи с тем, чтобы на их учении изменить души человеческие. И поступил этот молодой человек вначале в Высшее художественной училище, а затем – в Уральский государственный университет, где штудировал труды «Великого Ленина», изучал историю

КПСС, писал рефераты и курсовые. И чем больше постигал он политическую науку, тем больше возникали у него сомнения о правильности этих учений. Появились его собственные критические оценки «трудов», спорности существова-

ния и развития коммунистического рабоче-крестьянского общества. Периодически нападала на него политическая хандра и тогда его максимализм выплескивался на людей и бульвары, наполненные зомбированными личностями. Но советская пропагандистская система, тесно сплетенная с карательными органами, не терпела такого вольнодумства. Вот почему неоднократно он попадал в неприятные ситуации: забирали его в застенки КГБ за «милые» шуточки, типа: «От вашей газеты «Правда» только одно название осталось» или «Кому нести чего куда» - звонкая расшифровка «Коммунистического труда», и так далее.

С годами «партийная хандра» перерастала во внутреннее сопротивление, в борьбу против этой идеологии. И окончательное осознание его внутреннего миропонимания произошло в 80-х годах XX столетия – на государственном экзамене по истории КПСС в том же Уральском государственном университете города Свердловска, когда герою нашему достался провокационный вопрос: «КПСС как гарант нерушимости границ Советского Союза».

Право дело чудаки. Как будто не знают эти товарищи профессора мировой истории. Будто не знают, что не существует и никогда не существовало таких цивилизаций, какими бы сверхвеликими они не казались, которые рано или поздно не развалились бы на части, на княжества, на отдельные независимые государственные объединения. Вот именно этот ответ и был озвучен молодым человеком. Господи, надо было видеть изумленно негодующие лица этих экзаменаторов! С каким садистским удовольствием они поставили ему «жирную» тройку за его ответ! Но для молодого человека эта была самая замечательная «тройка», которую он когда-либо получал. Он гордился этой тройкой и этим ответом.

Вторая половина 80-х годов XX столетия стала для нашего героя периодом зрелости его фатализма и окончательного внутреннего опошления ленинской идеи. С каким сатанинским удовольствием он наблюдал скрюченную в судороге фигуру «вождя», лежащую в черном одеянии в московском мавзолее, куда впервые (и надо сказать – осознанно) попал в

начале 90-х годов XX столетия, - период нарастания окончательного развала СССР. Какими пророческими словами оказались его мысли, высказанные когда-то на государственном экзамене по истории КПСС.

Что тут скажешь?

Можно ли теперь, прочитав эти строки, винить нашего героя, стоящего перед гранитным пьедесталом и странным способом разговаривающим с вождем революции? А может стоит тебе, уважаемый мой читатель, после этих слов самому подойти к этому гранитному монументу, посмотреть ему в глаза и задать пару вопросов по поводу того, что сделал он с великой Россией? Увидеть его наполненные яростью гранитные глаза, направленные на вас и усмехнуться его бессильной злобе...

10.01.2006 г.

СТАЛИН

Март 1953 года выдался на редкость теплым и солнечным. С крыш спускались длинные сосульки, острые, как пики, с которых молодым соком наступающей весны капали капли. Куры и домашняя живность с каким-то только им понятным усердием, разгребали оттаивающий мусор, выискивая все, что может напоминать их кормежку.

Сидя на маленькой деревянной скамеечке у раскрытой топки очага, я, мальчишка лет трех-четырёх, подкидывал в его зияющую и дышащую огнем пасть, веточки вишневых и яблоневых деревьев, кучей лежащей возле топки. Мать с отцом хлопотали в сених: одна была занята приготовлением обеда и кормежкой для скота, другой - своим длинным фуганком, тут же в коридоре, строгал какие-то планки и бруски к шкафу для белья. Шифоньеры были тогда модным изобретением и их часто заказывали моему отцу-краснодеревщику местные односельчане. Моей же обязанностью было не только следить за тем, чтобы топка не перегорала, подкидывая

туда дрова и хворост, но также смотреть за своим малолетним братом, который еще в пеленках лежал в самодельной деревянной кровати. Господи, с каким удовольствием я распеленывал это маленькое розовое тельце, и как только мог пытался поменять ему фланеливые пеленки, часто сам не понимая, что больше мешаю маме, нежели помогаю. Еще я любил ровные и длинные, пахнущие сосной стружки, как загадочный джин выскальзывающие из железной горловины фуганка. А какие загадочные замки я строил из обрезков деревянных брусьев и кубиков, специально напиленных для меня моим отцом?

Васильевна! Васильевна! Я невольно вздрогнул от этого резкого и стонущего крика. Пулей, вслед за родителями, вылетел на крыльцо и испуганно спрятался за широкой штани-

ной отца. - Васильевна, - наш... наш дорогой отец и учитель, - женщина еще громче зарыдала и выдохнула, - умер...

В воздухе повисла гнетущая тишина и через минуту мать и отец бросились к соседке с короткими вопросами и воплями.

Прячась от испуга и чего-то ужасного, исходящего от этой женщины, я, как волчонок, выглядывая из-за спины своего отца, увидел как по их лицам текут крупные соленые слезы. Отец плакал молча и мужественно. Слезы лелись по лицу помимо его воли, мать, как и положено простой русской бабе, навзрыд ревела и причитала: «Дорогой наш отец! Как же мы будем без тебя! Ведь столько супостатов вокруг нашей страны и все ждут нашей смерти!»...

В какие-то считанные минуты все село замерло в страшной трагедии. Вокруг столба, стоящем недалеко от нашего дома

и на котором, как раструб мощной горловины стальной трубы, висел репродуктор, стали собираться люди. Одни плакали молча, другие причитали и слушали, слушали...

Репродуктор говорил траурным и печальным голосом, оповещая все село, страну о той страшной трагедии, постигшей весь Советский народ.

Умер вождь и учитель, отец всех народов - Сталин...

14.02.2002 г.

УБИТЬ ДРАКОНА

...Сон был тяжелым, мучительным. Не сон, а глухая ноющая дремота. Последнее время он часто испытывал такое состояние и даже, кажется, сжился с ним, смирился как с нечто неизбежным.

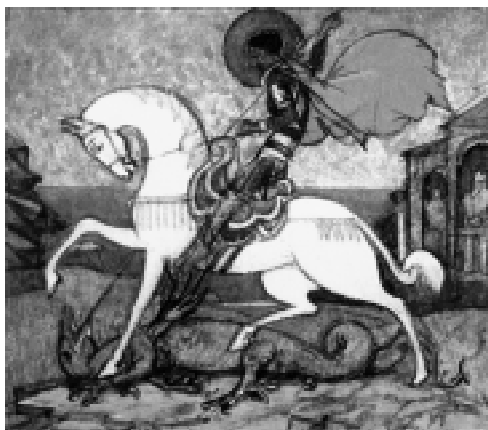
Но сегодня, - что же случилось сегодня? Почему ему так пугающе плохо? Снилось ему, что мальчишкой бежит он под откос по мокрому и сизому от росы лугу, и холодные росинки, осевшие на предрассветную траву, больно обжигают босые ноги. В глубоком овраге лежит плотный туман и бежит он в этот туман без страха, наперед зная, что за ним наблюдают его родные: дед Мартын, задорный и сильный его отец, накануне привезший своего сына на летние каникулы в деревню к деду и бабка Агриппа. Со смехом что-то кричат ему вслед дети деда, - веселые и красивые, его дядьки и тетки. И вот он уже в высоком и фантастическом травяном лесу. Глубокий, плотный туман окутывает с головы до пят и душа наполняется чувством неповторимого восторга.

Неожиданно он почувствовал, как по мокрым от росы ногам разливается вязкая и пахучая красновато-бурая масса. Опустив глаза, он не увидел, а скорее почувствовал, что по щиколотку стоит в этой массе и нет уже ромашковой травы, а вокруг него разлито огромное озеро. Вокруг этого озера раскинулась жаркая и безлюдная пустыня, над которой красивейшим заревом золота сияло небо. Низко на горизонте, там,

где озеро сливается с небом, каким-то миражем нависла картина. Он где-то видел ее. Да, да, - это же сам Георгий на белом коне, разящий дракона. Вот он взмахнул своим копьем, раз, другой и огромный змей истекает кровью. И эта кровь бурной рекой стекает в озеро. И не мальчишка он уже, а взрослый молодой человек, лет двадцатипяти - тридцати. Его обнаженное тело, задрапированное холстиной в районе бедер, не испытывает ни жары, ни холода. Страх, вначале уступивший место любопытству, сменился тупой звенящей болью. Каким-то шестым чувством он понимает, что дракон - это он сам. Кровь, не кровь вовсе, а его живая плоть. Копье, вонзенное в тело дракона, причиняет ему нестерпимые страдания. Откуда-то изнутри сознания возникли стихотворные строки Константина Бальмонта:

Святой Георгий, убив Дракона,
Взглянул печально вокруг себя.
Не мог он слышать глухого стона,
Не мог быть светлым - лишь свет любя.

Он удивился тому, что ему вспомнились эти строки и чтобы убедиться в реальности своего существования уже полупшепотом прочитал еще раз первую строку:

Святой Георгий,
убив Дракона...

Услышав свой собственный голос, он

понял, что сон приобрел какую-то форму сознания и тотчас перед ним, как одно мгновение, пронеслась его непростая, запутанная, связанная в один конфликтный узел, жизнь...

Страх. Этот вечный Дракон. Он преследует его вот уже пятьдесят три года. Страх, не дающий ему ни просвета, ни отдыха, заставляющий бежать от себя все дальше и быстрее,

а сил уже нет. Он настигает тебя и поглатывает. И живешь ты с этим страхом, как с неизбежным состоянием и живым существом. В конечном итоге - ты сам Дракон.

Дракон, пожирающий самого себя. И страх - это не страх вовсе, а состояние души: запутанной, убитой и вечно преследуемой. Не ты владеешь самим собой, своим телом и духом, а тот «совковый» Дракон, который восседает на троне, называемым Страной Советов. И дракон этот везде - в твоей утробе, в молекулах воздуха, которым ты дышишь, в друзьях и родителях. Он везде...

Когда же это началось?

Да, правильно, - это началось в далекие пятидесятые годы. Как сейчас помню: горячо-гудящая печь, на конфорках которой стоят разнокалиберные чугуны: от малой до великой. Мать хлопочет возле них, готовит скромную сельскую снедь, - одну для многочисленной семьи, а вторую - для визжащих от постоянного голода поросят в клетки. У нее под ногами, как юла, верчусь я, пацан лет четырех-пяти.

В огромном чугунке, стоящем на краю конфорки, варится тыква. Ее пахнущие особым мятным вкусом куски красноватым аппетитным боком выпирают из крышки чугуна и завораживают меня. Улучив момент, когда мать отвлеклась от плиты, я потянулся за этим куском и... о, горе, - на меня падает огромный чугунок со всем содержимым и вся масса кипящей воды буквально оmyвает меня...

Очнулся я от нестерпимой боли в большом старом деревянном корыте для стирки белья. Мать, Анна Захаровна и ее старшая сестра Вера, уставшие и измученные от бессонной ночи пока я был без сознания, из последних сил на терке трут картошку, которую подкладывают под наиболее обожженные места. Нестерпимая боль заставляет снова и снова кричать и тетку бросаются ко мне, подмешивая новые порции тертого картофеля.

Вообще-то, строго говоря, Анна Захаровна не мать мне, а тетка. Она родная сестра моего отца Ивана Захаровича. Но так уж повелось, что все тяготы по моему малолетнему воспитанию после смерти настоящей матери, легли на ее плечи и я не помню случая, когда называл бы ее иначе, как мама.

Нет, я не скажу, что тогда впервые я почувствовал сидящего в себе Дракона. Это ощущение пришло значительно позже, когда далеко позади остались годы романтического детства.

...Сынок, сынок, - просыпайся, вставай, - замерзнешь. Он с трудом отлепил примерзшие и запорошенные снегом веки, и сквозь бессознательную муть увидел склоненную над ним темную фигуру пожилой женщины, которая участливо и тревожно тормошила его, пригретого в лютом сугробе на заметенной метелью дорожке посреди чистого поля. Уже позже, отогретый добрыми руками у раскаленной до красна печки, он осознал и вспомнил все, что случилось с ним в смеркающихся сумерках зимнего дня.

Впрочем, это случилось не сегодня, а происходило почти ежедневно...

Окончив четыре класса начальной школы, родители долго рядили и гадали в какую же школу направить своего дитя. В селе, хотя и большом по тогдашним меркам, не было своей настоящей восьмилетней или средней школы и родители отправляли своих детей в соседние деревни: одна, - восьмилетняя, находилась в семи километрах от села, куда дорога шла через кладбище; другая, - десятилетняя, в шести километрах. В конечном итоге выбор пал на село, что в шести километрах, тем более, что в нее уже ходили его двоюродные сестры и братья. Весной и осенью бегать в нее не составляло особого труда. Дорога большей частью проходила через лес и живописные лесные посадки. И даже большое пшеничное поле не было таким занудно-скучным местом, так как детвора и здесь находила раздолье для своей необузданной фантазии: жужжащие огромные шмели, разноцветные бабочки. Чирикающие на все голоса птицы, даже нет нет, но где-то через тропинку пробежит кулик или лисенок. Однако в зимнюю пору поле преображалось и становилось мрачным, пугающим, а порой и непроходимым местом. Худо было тогда, когда в ясную пору пройдя шесь километров до школы, возвращаться приходилось в сумерках да еще в метель или пургу, когда в трех-пяти метрах не было видно ни зги.

Учился я тогда хорошо, и даже можно сказать, - отлично. Однако ребята не любили меня, считая выскочкой и гордецом. Меня не увлекали их игры, которые с годами становились все злее и проказливее, прогулы занятий, где сидя в зарослях кустарников они тайком от учителей и родителей покуривали папироски, представляя себя «взрослыми дядьками». Но зато я мог часами сидеть над муравьиной кучкой, наблюдая их бесконечную и строго упорядоченную суету. Любил ходить в яблоневый сад или лес, наблюдая как по своим неспешным законам просыпается и живет природа. Отправляясь в свое «далекое путешествие» обязательно брал с собой блокнот, куда старательно зарисовывал свои наблюдения над природой. А еще у меня была моя гордость - большая коллекция засушенных жучком и бабочек. Среди этих насекомых я мог находиться часами, нежно и с любовью расправляя крылья бабочкам. Были среди них просто уникальные экспонаты для средней полосы России: водяные скорпионы, заморские ракушки и морские звезды. Живя всем этим, я был совершенно далек от интересов мальчишек своего поколения. Еще дальше от них я стал отдаляться после того, как меня неожиданно увлекло искусство живописи... Вот за это и били. Били целой компанией пацанов. И чем больше пытались они заставить почувствовать в себе страх, тем больше росло во мне сопротивление Дракону. И уже значительно позднее я понял, что уже тогда Дракон поселился во мне. Нет, он не действовал и не спал, Дракон просто превратился в него самого. И впервые, по настоящему проснулся он в ... 72-м году. Эта история до сих пор в мельчайших подробностях помнится ему...

Большая белая комната. Белая - это точное определение, так как стены комнаты-кабинета покрыты какой-то мягкой шумопоглощающей блестящей тканью, напоминающей стеганые стеклянные одеяла. Пол и потолок также выложены белыми словно глазурованными плитами. Это первое, что увидел он, очнувшись от долгого забытья. Голова гудела от нестерпимой ноющей боли. Уши резал какой-то непонятно откуда исходящий невысокий однотонный звук. Казалось

он сочился из самих стен, зубной болью отдающий в мозг. Он зажмурил глаза, словно собираясь сбросить с себя это забытьё. Но даже сквозь прикрытые веки ощущал яркий резающий свет, которым буквально пропитана была комната. Он шел мощными слепящими пучками из всех четырех сторон. Создавалось такое фейрическое ощущение, что он парит в этом свете.

Постепенно сознание начало к нему возвращаться. И он увидел себя сидящим на странной формы белом табуретке-кресле посреди комнаты. Руки его были закованы давящими на запястья наручниками, которые в свою очередь были прикованы к привинченному к полу креслу. Руки, шея, ноги затекли так, что он не мог даже пошевелиться.

Сколько времени находился он здесь: час, неделя, год?

Нет, он помнил как попал сюда. Это было накануне и начиналось с совсем, казалось бы, безобидного житейского эпизода...

Обеденный перерыв. Он на своем простеньком, но практичном и выносливом мотоциклишке, подкотил к единственному в городке «Н» почтовому отделению, чтобы отправить своим родителям, жившим тогда уже в Казахстане, небольшую посылку с заморскими фруктами. Заняв очередь, стал терпеливо дожидаться, когда она дойдет и до него. Очередь обслуживала какая-то девчушка, миловидная но неопытная. Что было видно по ее суетливым движениям и бесконечным «убеганием» в соседнюю комнату «для консультаций». Нетерпеливую очередь, жаждущих отправить свою корреспонденцию, буквально взорвал голос пожилого высокого мужчины лет шестидесятипяти, своим внешним видом говорящим о многолетней деятельности в органах КПСС. С возмущением в голосе старый партиец стал поучать всех и в первую очередь обращая свое внимание на девушку, что с таким отношением к работе никогда общество не построит коммунизм...

С любопытством наблюдая эту сцену, я где-то в шутку, а где и полусерьезно стал с ним спорить. И тогда весь гнев его обратился на меня, упрекая, что я недостаточно идеоло-

гически подкован, что мне надо побольше читать партийной и другой литературы. В азарте спора я спросил: «Не ту ли газету «Правда» мне надо читать, что Вы держите в руке? Так от вашей газеты «Правда» одно название осталось»...

Так в пылу споров очередь дошла до меня и я благополучно отправил свою посылку, совершенно не подозревая о последствиях, ожидаемых меня.

...Проснулся я от громкого звонка и стука в дверь. Нашарив ногами домашние тапочки, полусонным добрел до двери и не спрашивая традиционного «Кто там?» открыл дверь. Степенно, словно хозяева, в квартиру вошли четверо мужчин, все в черных плащах и куртках, словно сошедшие из далекого 38-го... Сунув под нос какие-то удостоверения в красно-малиновых корочках, даже не сказав кто они и откуда, коротко бросили - «Собирайтесь»...

Дракон, словно веками дремавший во мне, мгновенно проснулся и Страх пополз вниз живота. Как в тумане стал натягивать на себя брюки, рубашку и легкую куртку. Было четыре часа утра...

Его привезли в эту комнату и тут же приковали наручниками к креслу. Потом были долгие изнуряющие допросы и звенящий звук, зубной болью исходящий из стен. Нет, его не били. Да это и не требовалось. Им нужно было сломить его волю, часами задавая одни и те же вопросы: какими языками владею? И на какую разведку работаю: английскую или немецкую?, а также прочую ересь.

Допросы сменялись запертым кабинетом и тогда ему казалось, что о нем совсем забыли. Минуты сменялись часами, часы - сутками, неделями, вечностью.

Это уже потом, так и не поняв, что с ним случилось и почему его выпустили, он узнал, что пробыл в этом аду всего четверо суток...

Прошли годы. Давно уже нет Страны Советов, а Дракон... Дракон так и остался в нем...

28.01.2002 г.

ВЕСЕЛАЯ СМЕРТЬ

Снег яркими искристыми брызгами сиял на солнце. Обжигающий январский воздух пропах диким кустарником, заснеженным полем и горьковатой полынью, одинокими ветлами торчащей из сугробов.

По узкой еле заметной тропе, одиноко и грустно петляющей среди бесконечного белоснежного поля, тянулась вереница нарядно одетых людей, явно спешащих по каким-то только им ведомым делам. Впереди этой вереницы важно вышагивал маленький мальчишка лет десяти-одиннадцати, неуклюже переваливаясь в не по возрасту больших серых валенках без калош. По его виду было видно, что он взялся быть проводником всей этой компании и уступать этой роли не собирался никому. Малыш, а им был мой брат Виктор, был одет в серое в клетку старое коротенькое пальто, из рукавов которого на резинке торчали варежки, с налипшими на них крошками снега и льда. И хотя в открытом поле, по которому шествовала вся наша делегация, было довольно морозно и ветрено, малыш похоже словно не замечал всех этих неудобств.

За ним весело переговариваясь то гурьбой, а где и гуськом пробирались взрослые, держа за руки своих малолетних детей. Из их веселого и задорного разговора вскоре стало ясно, что все они спешат в соседнюю деревню на свадьбу какого-то их дальнего родственника.

Вскоре на горизонте появился долгожданный силуэт деревни, живописно расположенной на возвышенности и окруженной высокими заснеженными деревьями.

Пройдя по единственной, накатанной санями дороге, петляющей по краю склона с одной стороны и утопающих в сугробах деревенских хат – с другой, наша многочисленная компания была шумно встречена у ворот, где уже кружились в хороводе подвыпившие сельчане и велись оживленные беседы «кумушек», каких много в каждом селе, обсуждающих не только жениха и невесту, но и всех вновь прибывших, сверля их своими острыми, все замечающими глазками.

Лилось вино рекой. В сизом от табачных самокруток воздухе уже трудно было разглядеть самих виновников торжества. Веселые деревенские песни под гармошку сменялись редкими короткими пьяными стычками, которые возникали то в каком-нибудь углу обширной избы, то в сених или на подворье. И только десятки острых детских глазенок, смотрящих с теплых полатей на всю эту кутерьму, с любопытством и веселым смехом встречали каждое новое событие. Какой визг они подняли, когда неожиданно в дверях объявились ряженые: женщина в каком-то красочном тряпье с сизокрасным крючковатым носом и длинной метлой в руке и мужчина с высоким тряпичным горбом на спине и огромной бутылью с сизым самогоном в руках.

Не умолкая гремела музыка деревенских гармонистов и, казалось, всему этому веселому шабашу не будет конца. И в этом бесконечном веселье не было места только одному мальчишке, которому на вид можно было дать лет тринадцать-четырнадцать. И, как читатель мог догадаться, - это был ныне здравствующий автор этих строк.

Напившись и наевшись до отвала за свадебным столом он, вдруг, заскучал среди всех этих чужих дядей и тетей. Ужасно захотелось домой - к любимым книгам на этажерке и знакомым тропинкам на улицах.

Одинок забившись в какой-то темный угол, он исподлобья угрюмо наблюдал за бесконечным пиршеством. Наконец, не выдержав этих пыток, он подошел к своему отцу, и теребя того за рукав, стал просить его отправиться домой. Отмахнувшись от него раз, другой, отец сердито прикрикнул на своего сына, в очередной раз отправил его в свой угол. Но мальчишка никак не хотел униматься. И тогда отец, коротко посоветовавшись со своей супругой и другими родственниками, достал ключи от дома и спросил, - найду ли он сам дорогу домой?

Радостно кивнув головой, я бросился одеваться и уже через несколько минут облегченно шагал по знакомой тропинке в поле, на которой еще виднелись наши, незаметенные снегом, следы.

Пойти-то я пошел. Однако по малолетству и незнанию совершенно упустил то обстоятельство, что зимой в русской деревне сумерки наступают довольно быстро и сразу. Я не прошел еще и половины пути, когда начало смеркаться и идти становилось все страшнее и страшнее. Но все бы ничего, если бы не кладбище, расположенное на пути к деревне между полем и колхозным садом. Одно дело, когда ты идешь в компании со взрослыми и совершенно другое – идти одному, да

еще в зимних холодных сумерках. И хотя кладбище у нас не славилось злыми духами, тем не менее это событие не из приятных.

Вот уже и первые кладбищенские кресты, рядами тянущиеся по обе стороны дороги. И чем больше их становилось, тем темнее и мрачнее становилось вокруг.

Дорога уже еле угадывалась среди заснеженных могильных плит, кустарника и бесконечных крестов, страшными силуэтами нависающих надо мной. Луна, периодически выплывающая из-за туч, то освещала дорогу, то вдруг исчезала и тогда становилось особенно мрачно и тоскливо. Вдруг, где-то справа послышался неясный шум ломающихся ветвей и звук, похожий то ли на стон, то ли на невнятный дикий приглушенный крик. Я и без того затаивший дыхание и бесшумно, как мне казалось, передвигающий ноги, до того был напуган, что резко повернул голову в сторону и увидел, как на меня метрах в пяти-семи бежит огромное огненно-белое чудовище, размахивающее колышущимися на ветру руками. В тот же миг я почувствовал, как у меня под шапкой на голове дыбом поднялись волосы и не помня себя, уже без тени храбрости, я бросился прочь, подальше от этого места.

...Очнулся я под утро от громкого стука в окна и двери нашего дома. Это раньше намеченного вернулись родители со свадьбы, встревоженные моим уходом и тем, как я добрался домой, не замерз ли в поле. Свет во всех комнатах был зажжен, а сам я в беспамятстве провалился на полу у еще не остывшей деревенской печи. Глядя на мое испуганное лицо, они стали расспрашивать о случившемся и после моего путанного рассказа долго смеялись. Оказывается они тоже видели это «приведение» хотя и не такое отчетливо, объяснив, что это было фосфорическое явление от накануне умершего человека, которое иногда выходит из земли и может ярко светиться в темноте, особенно в безветренную погоду.

Не могу сказать, что я тогда поверил им, но ответа на это явление тот мальчишка не знает и сейчас...

6.01.2006 г.

РАССКАЗ СТАРОГО ОХОТНИКА

...Волка этого мы с моим напарником, - Колей его звали, - в прошлом году выловили. Я то, ведь, раньше, то бишь – до войны, охотником был. Вот и попросили меня из дирекции зоопарка матерого волка им добыть. Дикий был зверь.

- Дед Кузьма достал изо рта самокрутку (сигарет и папирос он принципиально не признавал) и послунявив отслоившийся уголок газетной бумаги, вновь глубоко затянулся и через нос выпустил целый клуб сизого и крепкого махорочного дыма.

- Так вот, - продолжал дед, - выловили мы его, значит, а как начали вязать, так самих оторопь взяла. В один миг перегрыз он наши веревки. Пришлось палку вырубить и в его пасть вставить, да эту пасть еще для крепости веревками обвязать.

Привезли его мы на «газике» сначала в леспромхоз, где надеялись заночевать. Да, ведь, не дал проклятый нам по-

кою ночью. Вся живность, которая во дворе лесничего была, такой гвалт подняла, что разбудил нас Петрович среди ночи и ради бога просил скорее увезти окаянного зверя куда ни будь подальше. Вот и пришлось нам среди ночи выбираться из теплой избы в лютый мороз. Благо ехать было недалеко — километров тридцать, тридцать пять.

В общем, доставили мы его, а что с ним делать дурни-руководители не знают. Кое как нашли для него пустую клетку и вот тут-то и началось чудачество. Волк-то в первую же ночь чуть было не сбежал от них. Стальные прутья почти в палец толщиной погнул так, что чуть-чуть и видели бы его. Переполошил он весь звериный мир. Надо сказать, что зоопарк, в который мы доставили нашего зверя, находился в одном из известных городов Золотого кольца под Москвой. Туда часто наезжали киношники, а некоторые обзавелись там дачами. И, вот, в одной из таких «дач» жил довольно известный когда-то артист. Он снимался во многих фильмах. Однако я умолчу о нем, так как история, которую я расскажу вам достаточно печальная.

Так, вот, имел этот артист (для удобства рассказа назовем его Степаном) дурную привычку, которая погубила не один десяток талантов. Короче, - пил он. Да так, что неделями горожане не видели его ни в дачном поселке, ни во дворе. А когда выбирался он из своей берлоги, то на него страшно было смотреть: грязный, обросший, на котором только что и оставалось, так это кожа да кости. Грязная свалывшаяся рубашка и землистого цвета штаны дополняли удручающую картину. Правда, на него иногда находили светлые промежутки, просветы, так сказать, и тогда любо-дорого было на него посмотреть. Речь становилась умной, четкой, а мысли глубоко переживающего и думающего человека. И тогда говорил он о демократии, об устройстве мира, о продажности чиновников, о том, что есть правда и где искать истину. Однако не смотря на его общительность, горожане и дачники сторонились его и мало что знали о настоящей жизни и судьбе Степана. А если кто-то вдруг начинал говорить с ним о его ролях в кино, он замыкался, становился угрюмым и уходил в себя.

И, вот, этот Степан прослышал о нашем волке. Посмотреть его ходили все: от мала до велика. И не потому, что не видели волка, а потому, что он обладал буйным характером, если вообще можно так говорить о звере.

Смотрители клеток, которые обслуживали, убирали и кормили зверей, боялись даже приблизиться к клетке, где сидел волк. Пищу ему просовывали на длинных шестах. Но он, подлец, хватал не мясо, просовываемое ему сквозь толстые металлические прутья, а палку, которую, как соломинку, тут же перегрызал, за что много раз получал от зрителей словесный нагоняй.

Зрителей, пришедших его посмотреть, он встречал таким рычанием, что у них мурашки по спине начинали бегать.

И, вот, повадился ходить к этой клетке наш Степан. Придет бывало, сядет на деревянную балку, торчащую из соседней клетки, смотрит на него, долго, молча, а потом заводит с ним длинные разговоры о судьбе, людях, которых самих надо держать в клетке как зверей или читает ему длинные монологи из своих киношных ролей.

Волк поначалу рычал или оскаливши пасть косился на него. Но Степан вел с ним ровные и тихие беседы, как бы разговаривая сам с собою. У клетки этой проводил Степан почти весь день, отлучаясь только чтобы где-нибудь перекусить, не забывая каждый раз принести «своему волку» кусочек хлеба или мясную косточку. Поначалу волк совершенно игнорировал «подарки» Степана. Но его монотонный и убаюкивающий говор заставили того относиться к Степану, как к неотъемлемой части своей звериной жизни.

Вскоре наш Степан окончательно переселился поближе к клетке волка. Устроил там настоящее лежбище: из старых деревянных ящиков сколотил подобие топчана, который

укрыл откуда-то принесенным ватным матрацем. По моему он даже ночевать там стал. Пити бросил совершенно. И, поскольку, он никому не мешал, то дирекция зверинца на эти «чудачества» смотрела сквозь пальцы. Дело дошло до того, что ему позволялось кормить волка, который постепенно стал брать мясо и другую пищу из рук Степана. Правда, Степан фамилльярности по отношению к зверю не допускал ни себе, ни зрителям, которые видя, что тот вытворяет возле клетки, пытались как-то привлечь свое внимание.

Продолжалось так долго. Закончилась весна, на исходе было лето и, вот со Степаном снова приключилась беда. То ли кто-то оскорбил его, то ли вспомнились старые обиды, но пришел однажды Степан к своему приятелю волку под большим «шефе». Был угрюм и молчалив. Просидев так около часа, Степан вдруг просунул свою руку в клетку и потрепав волка по загривку, заплакал горькими и крупными слезами. Плакал сначала молча и зло, а потом навзрыд уже не стесняясь ни волка, ни тех, кто мог его застать за этим занятием. Неожиданно огромный и матерый волчара как-то по детски заскулив, опустил свой пушистый хвост и жалобно сморщив морду подошел к Степану и своим шершавым языком стал слизывать крупные и соленые слезы. Степан, просунув сквозь прутья обе руки к волку, уткнулся в его густую шерсть и зарыдал еще сильнее.

Долго и тихо стояли они друг против друга – один в человеческом облике, другой – в облике зверя...

На утро сторожа, делавшие обход зверинца перед сдачей его зрителям, подняли тревогу. Клетка волка настежь была открыта. Прибежавшие служители с испугом доложили директору, что ни волка, ни Степана нет...

Дед Кузьма перевел дух. И лукаво усмехаясь в прокуренную бороду продолжил: сказывают, что где-то в Сибири на займке видели нашего Степана. Часто на рассвете он уходит к озеру, что возле леса, где облюбовал себе место и строит там избу. Иногда он бродит по лесу с берданкой за плечами и тогда его сопровождает толи собака, толи волк. Никто этого зверя не видел, таится он.

Вот в этом и есть настоящая философия жизни, в задумчивости сказал Кузьма и надолго замолчал, посасывая свою давно потухшую самокрутку...

10.08.2002 г.

ДЖОКОНДА

Фирменный поезд «Курский соловей» мягко заскрипел тормозами остановился у перрона Курского вокзала. Тяжело вздохнув от необходимости вновь, как когда-то в недалеком прошлом, тащиться по шумным и душным улицам нашей славной столицы, я с видом обреченного вышел из вагона и направился в сторону ближайшей камеры хранения для сдачи своего небольшого багажа. Встреча, ради которой я прибыл в Москву, была назначена на 15-ть часов и времени у меня было предостаточно. Совершив процедуру по сдаче багажа я вышел на привокзальную площадь в раздумье каким образом распорядиться своим временем. Приняв решение я спустился в подземку привокзального метро и вышел уже на станции Боровицкая, откуда неспешным шагом направился в сторону пушкинского музея. Стояло теплое летнее утро. Прогулка была легкой и приятной. Я глядя по сторонам вспоминал эпизоды своих встреч со столицей и своими приятелями по училищу в недалеком 197...годах. Пройдя таким образом изрядное количество пути я вдруг в изумлении и неожиданности остановился у знакомого переулка. В начале его стояла огромная и невиданная для Москвы длинная очередь, состоящая из людей молодого и среднего возраста. Чувствовалось, что стоят они уже не один час.

- За чем стоим? В шутку спросил я.

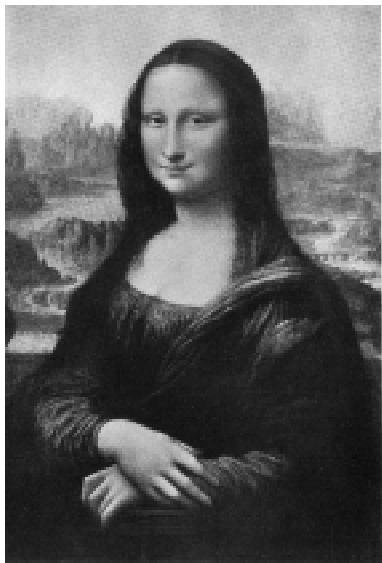
- За Мона Лизой, - также шутя ответили мне.

- Как за Мона Лизой? Она же в Лувре...

- Вот на днях привезли. Говорят всего два дня будут показывать...

Вот, это да! Упустить такую возможность было бы сравнимо с преступлением. Но как при таком столпотворении попасть в музей?..

Выход напрашивался как бы сам собою – нужно идти обходными и проторенными путями, какими я не раз пользовался будучи студентом, то есть – через своих добрых знакомых, научных сотрудников и экскурсоводов этого музея. Но работают ли они сегодня?

На мое счастье моя старая приятельница Асия оказалась на месте и после короткого общения и разговоров о жите-бытье, она повела меня по пустынным залам, закрытым для посещения по случаю безопасности шедевра Леонардо да Винчи, в самый конец корпуса, где слышались негромкие оживленные голоса. Бросилось в глаза, что среди художественного бомонда, оживленно беседующего между собой, мелькали до боли знакомые лица, которые на то время уже

были известными живописцами, скульпторами и литераторами, другим предстояло стать таковыми. Всю эту разношерстную толпу забавно оживляли невозмутимые лица неопределенной внешности, у которые на лбу словно было написано: «Мы – есть охрана. С нами лучше не шутить».

Неловко проскользнув между ними я приблизился к вожакаленному объекту и... в ужасе остановился.

Господи, зачем ты привел меня сюда?

Уважаемый мой читатель, ты когда-нибудь был в анатомическом классе или музее судебно-медицинской экспертизы?

Нет?

Ну, тогда тебе крупно повезло.

Впрочем, о чем это я? Я ведь хотел рассказать о Моне Лизе и своем ощущении от увиденного... Хотел рассказать о произведении, которое вызывает восторг у миллионов людей, вкладывающих в ее образ нечто свое и ищущих в нем свой идеал красоты. Что вкладывал в этот образ я, - чувство восторженного благоговения и радости сопричастности? Вероятно да. Я жаждал увидеть само совершенство... Я думал, что... Я мечтал...

Сразу и навсегда меня постигло великое разочарование...

- Во первых: размер самого произведения оказался совершенно не таким, каким я его представлял. Это было небольшое полотно, размер которого не превышал 70-ти сантиметров в высоту.

- Второе разочарование меня постигло, когда я стал вглядываться в сам образ. Сотню раз я видел иллюстрации с картины и всегда удивлялся совершенству линии, некосмическому пейзажу, ее неуловимой улыбке. И каждый раз, глядя на Мону Лизу, я видел, что в разных иллюстрациях она выглядит по-разному: то цвет выглядит более охристым, то в тоне заметны изменения или освещение создает другое настроение от увиденного. Сейчас передо мною висело произведение, где сквозь грязно-серо-коричневую пелену с большим трудом просматривается абрис Моны Лизы, и где совершенно невозможно было разглядеть тот фантастический пейзаж и знаменитую ее улыбку, о которой так много говорят.

Но все бы ничего, если бы не третье и четвертое разочарование, постигшее меня в этот день: Картина висела в мощной золоченой раме на специально построенном для нее подиуме. С правой стороны от зрителя висела табличка, указывающая, что в целях сохранения бесценного шедевра и избежания его повреждения, картина закрыта специальным бронированным стеклом толщиной одиннадцать сантиметров... Как и что можно было разглядеть через толщу такого стекла?

И, наконец, последнее.

Как принято в музейной практике перед великими творениями художников всегда ставится специальное ограждение в виде небольшого шнура, висящего на двух небольших декоративных стойках. Этот шнур является чисто условной разделительной линией между картиной и зрителем. Так было и на сей раз. Но наряду с этим, вероятно для большей безопасности, рядом с подиумом поставили двух охранников. И представьте себе ваше ощущение, когда вы пытаетесь сосредоточиться всматриваетесь в картину, а в это время вас пронизывают взгляды двух не очень любезных особ...

В общем, вышел я из музея подавленный и очумелый. И видимо судьбе было угодно испытать мои нервы еще раз. В совершенной прострации я шел куда глаза глядят и очнулся у собора Василия Блаженного у московского кремля. Немного придя в себя я осмотрелся и обнаружил, что по какой-то случайности в этот день площадь оказалась совершенно пустой. К удивлению не было людей даже в мавзолее к В.И. Ленину, что было уж совсем из ряда вон выходящим. Чтобы к Ленину и никого? Живя в свое время в Москве, учась в Строгановке, я много раз бывал на Красной площади и никогда не был в мавзолее. А тут такая удача.

Должен сказать, что у меня всегда было неоднозначное отношение к Великому вождю революции. Не раз в мыслях я спорил с ним о роли, значении и нелепости некоторых действий большевиков под его руководством, да и его трудов. Я видел в вожде революции не героя и освободителя угнетенного народа, а человека, сотворившего зло над Россией. Человека, который привел кухарку к власти, лозунгом которой было разрушить все до основания, а затем...

Разрушить то разрушили, а построить не сумели. Кишка тонка. Отняли у господ все их имения, дворцы, культуру, храмы и даже Христа, дав взамен голодную и воюющую Россию, разрушенные и разграбленные города и деревни...

И, вот я в мавзолее. Прохожу двойной контроль «почетного караула» и вижу Его. Еще раз спрашиваю вас, дорогой мой читатель, - были ли вы в анатомическом классе?

Нет? Ну тогда почувствуйте запах тления: черное покрывало, из которого совершенной нелепостью торчат две высохшие воскового цвета руки со скрюченными в судороге пальцами, той же восковой бледности голова с мертвенно-серыми на выкате глазами и редкими выщипанными усиками. Полуоткрытый рот словно выдыхает предсмертные агонирующие стоны, словно говорящие: «Простите меня дурака. Я сам не понял, что сотворил»...

Простил ли я его? Наверное нет. Не может быть прощенным человек, деяния которого повлекли за собой беду мирового масштаба: голод, разруху и смерти миллионов человек. Не может быть прощен ибо за его безумной идеей сотворить мир господ из рабов, мы получили разрушенные церкви, искалеченные судьбы, уничтоженную интеллигенцию и вековую культуру. Нельзя простить фашизм и великую утопию, под названием «коммунизм». И место ему не в мавзолее...

С этими мыслями я вышел из кремлевской могилы и с этими мыслями я живу и сейчас...

10.IV.2005 г.

СКАЗ О МАСТЕРЕ

Посвящается моему соседу по лестничной площадке Антонову Андрею Алексеевичу, рассказавшему мне эту историю...

Альберт Брехт, судорожно держащийся за ручки мягкого и глубокого кресла, почувствовал, как электронно-магнитная дрожь, еще несколько секунд назад пронизывающая все его тело, постепенно стала ослабевать и вскоре прекратилась совсем. Автоматизированный пульт управления полетом во Времени, проделав в своем электронном мозгу ряд необходимых и только ему известных манипуляций, вздохнув как человек, выдал сухое и стандартное поздравление об удачной посадке и погасил главное табло. В мерцающем тусклым

серебристым светом кабине наступила абсолютная тишина. Глубоко вдохнув в себя специально ионизированный воздух, Брехт почувствовал как тело его наполнилось упругостью и бодростью, голова заработала ясно и четко. Он обвел глазами небольшую, но уютную кабину своего аппарата словно еще раз убеждаясь, что все произошло в стандартном режиме и сбоев в работе электроники нет.

«Ну, вот я и на месте», - подумал он, - и не торопясь стал размышлять о своих дальнейших действиях, ради которых он проделал это сложнейшее путешествие во Времени. Медленно потянувшись к пульта он нажал одну из кнопок, отвечающих за внешнюю жизнедеятельность человека и на экране табло появилась надпись, указывающая уровень загрязнения окружающей среды.

«Ну что же, не так уж и плохо», - подумал он. Впрочем, институт, в котором Брехт проходил предполетную подготовку, уведомил его, что больших изменений жизненной среды у землян в том историческом отрезке, куда он направляется, еще не произошло. Брехт посмотрел на электронный календарь: он показывал 17 июня 1910 года. Время было 4 часа и 17 минут. «На дворе еще темно», - машинально отметил он и не спеша стал расстегивать электронно-магнитные кнопки скафандра. Конечно, он, человек прибывший из XXV столетия, хорошо знал, что ожидает человечество в ближайшем будущем: Империалистическая война 1914 года, большевистский переворот 1917 года, гражданские и Отечественные войны. Еще впереди будут катаклизмы, связанные с атомным загрязнением и катастрофы планетарного масштаба, войны с арабским Востоком, с которыми придется иметь дело «Объединенному Планетарному Съезду», созданному в начале XXIV столетия для спасения человечества от атомной анархии и исламского радикализма. И, кстати, именно ему, «Объединенному Планетарному Съезду», обязано человечество изобретением «Машины времени», задача которой – изучение прошлого человечества, осмысления действий тех или иных народов, политических устройств и социально-экономических потрясений. Воспользовались изобретением и

крупные ученые-исследователи, изучающие историю и памятники мировой культуры прошлого, а то и просто творческих личностей, создавших шедевры в области архитектуры или искусства.

Альберт Брехт всю свою недолгую жизнь потратил на изучение той далекой эпохи куда он прибыл. Его круг интересов замыкался на изучении взаимосвязей художественной культуры Западной Европы и России второй половины XIX – начала XX века и он считался в этой области самым крупным специалистом. Но мало кто знал и подозревал, что есть у Брехта заветная мечта – разгадать загадку, которая не дает ему покоя вот уже много лет...

Когда-то еще не так давно он, будучи начинающим экспертом в «Евросоюзе» по искусству Европы и России XIX – XX вв. обнаружил в России мастера с удивительным живописным талантом. Имя ему – Василий Кандинский. Картины этого художника вот уже несколько столетий будоражат умы всех теоретиков искусства и их изучает целый институт «Евросоюза», входящий в «Объединенный Планетарный Съезд». Консультантом по этому Мастеру назначили именно его – Альберта Брехта. И все бы ничего, если бы не та загадка...

Дело в том, что изучая в музеях и галереях «Евросоюза» живописные произведения Василия Кандинского, Брехт никак не мог понять – откуда идут истоки творческого вдохновения этого художника. Более того, просматривая электронные страницы истории мировой культуры соотечественников XIX - XX века он находил лишь небольшие упоминания об этом Мастере: о его жизни и творческом окружении, но ничего или почти ничего о его картинах.

...Потянувшись в сторону электронных кластеров, Брехт обозначил программу определения географической точки назначения и в очередной раз с удовлетворением отметил, что аппаратура сработала четко и он находится в заданном районе. «Теперь можно расслабиться и отдохнуть до

утра», - сказал он сам себе и откинувшись в кресло попытался задремать.

Проснулся он когда электронные часы показывали 8-40 утра. Распаковал один из пакетов в плотной серебристой оболочке и позавтракал тем запасом, которым обычно снабжался любой из пилотов подобного класса. Альберт Брехт почти не удивился, что еда по вкусовым качествам и способу приготовления относилась к тому историческому времени, в котором он находился.

Наконец решив, что пора приниматься за реализацию своей программы, Альберт Брехт, сняв скафандр и вытащив из «приемника» чистую и опрятную одежду класса среднего чиновника или мещанина начала XX века, специально подобранную институтом «Евросоюза», стал переодеваться, тщательно сверяя все тонкости ношения одежды по трехмерному изображению на мониторе. Затем электронным ключом открыл дверь кабины и вышел наружу. С удивлением и приятностью для себя отметил, что аппарат находится на лужайке у кромки леса, недалеко от полуразрушенной избушки лесника, как было заранее запланировано теми, кто руководил полетами. Именно в ней он должен спрятать аппарат, замаскировав его под скирду сена или поляницу дров.

Провозившись около полутора часов и убедившись, что маскировка достаточно надежная, Альберт Брехт отправился по узкой и извилистой тропинке в сторону города, красивым полумесяцем раскинувшимся в зеленой долине сразу же за опушкой леса. Это был Мурнау – один из многих провинциальных городков Германии, где как свидетельствовали источники, должен проживать русский художник Василий Кандинский.

...Небольшой городок жил своей привычной жизнью и появление незнакомого человека никого не удивило. Все идет хорошо, - удовлетворенно отметил Брехт и остановив пожилую женщину с плетеной корзинкой, спешащую на овощной рынок, на немецком языке с акцентом той эпохи поинтересовался не знает ли она, где здесь живет Мастер. Оказывается женщина знает одного странного русского, который живет замкнуто и почти не выходит из дома и указала

на переулочек, где находился небольшой каменный одноэтажный домик с деревянным сараем-мастерской.

По приметам, указанным женщиной, ему не составило особого труда обнаружить в зелени заросших кустарников и буйном цветении мальв небольшой, но еще достаточно аккуратный домик с подслеповатыми окошками, за которым виднелся черный и покосившийся амбар, - видимо это и была мастерская Мастера.

То, что это был дом и амбар русского художника угадывалось сразу: по контрасту его подворья с аккуратно подстриженными кустарниками и ухоженными цветниками немецких бюргеров, живших по соседству; по разбросанным по всему двору подрамникам и разорванным старым холстам; по банкам из-под краски и прочему хламу, что, как это ни странно, всегда отличало русский народ от европейского в порядке ведения хозяйства. Альберт Брехт даже крикнул от удивления – насколько оказались правдивыми истории о России и славянской душе, о русской ментальности и их безалаберности, опубликованные и читанные им в разных мемуарных источниках ХХI – ХХV вв. в библиотеке «Евросоюза».

Однако размышлять было некогда. Он нашел подобие звонка, в виде бронзового дверного молоточка, прибитого к вкопанному по этому случаю деревянному столбу, и попытался постучать в него специальным язычком. Раздался глухой несильный звук и Альберт Брехт понял, что от такого «звонка» толку будет мало. И тогда с трудом он втиснулся в узкую щель невысоких полураскрытых ворот, давно уже вросших в землю, и пошел к дому по узкой дорожке из темно-красных колотых кирпичей, сквозь редкие щели которых прорастала многолетняя дикая трава. Неожиданно из амбара на встречу ему вышел моложавый человек лет тридцати-тридцати пяти, опрятно одетый, но почему-то в старых стоптаных башмаках и в черной замызганной шляпе. На ярко-цветастой его рубашке нелепо красовался желтый бант. В руках он держал пустую стеклянную банку из под растворителя или масла, которую из-за ненужности он тут же бросил в ближайшие кусты.

Неужели это и есть Мастер – пронеслось в мозгу Альберта Брехта прежде, чем хозяин дома увидел неожиданного гостя...

Альберт Брехт по молчаливому и любезному жесту хозяина дома вошел в маленькую и уютно-обставленную комнату и уселся в предложенное плетеное кресло с накинутым на него пледом из грубого волокна. Хозяин дома – Василий Кандинский (а это был именно он) не задавая лишних вопросов молча начал хлопотать, вытаскивая из каких-то шкафов и шкафчиков различную нехитрую снедь в виде «по-русски» нарезанного крупными ломтями сала, колбас, селедки и ломтей ситного хлеба. Вскоре на столе появился грязноватый и залапанный пальцами и краской лафинчик с настоящей русской водкой. Также неведомо откуда появились большие граненые стаканы, какими в XIX веке «угощались» в дешевых трактирах русские мужики.

Пока хозяин хлопотал у стола, Альберт Брехт стал оглядываться, замечая то тут, то там небольшие горки холстов, повернутые обратной стороной к зрителю. На стенах также висели большие и малые холсты, с изображениями отдаленно напоминающими то, что ему приходилось видеть в галерее Евросоюза.

- «Вы из Мюнхена?», - не оборачиваясь к гостю спросил Кандинский.

- «Да, я...» – начал было Альберт Брехт, но Мастер перебил его и продолжил: «Я вчера только из Мюнхена... Мы там с Марком выставку делаем... И, вообще, есть интересные проекты... Вы, наверное, слышали, нас там «дикими» называют...».

- «Много вас таких?», - спросил Брехт.

- «Болтают много, а так, что бы до дела...», - ответил Кандинский и замолчал.

Наконец он закончил возиться у буфета и усевшись на подобие табурета, стал разливать водку в стаканы.

...Обжигающая жидкость непривычно быстро «развязала» их языки и вскоре близко приткнувшись друг к другу они начали говорить всякий вздор. Причем говорили они уже не слушая друг друга, каждый о своем и даже на разных языках.

- «Как это из другого мира» - вдруг встрепенулся Василий Кандинский. Ты кто, вообще?».

Альберт Брехт понял, что он потерял контроль над собой и в разговоре с Мастером видимо чем-то выдал себя. Он попытался вернуться к разговору, но Василий прищутив глаза остро и цепко стал осматривать гостя. От хмеля Мастера не осталось и следа.

- «Нет, вы не из Мюнхена...», - произнес он, и снова потянулся за лафинчиком с водкой. «Впрочем – это неважно. Вы мой гость, а гости у меня не часто бывают. Картины, видите ли, у меня не такие! А если я так вижу..., если это моя личная философия!?

Нет, вы не из Мюнхена. И штучка какая-то на вас висит...».

Альберт Брехт, мгновенно похолодев, схватился за горло и бросился к зеркалу, висевшему у входа в витиеватой золоченой раме. На него смотрело помятое, плохо узнаваемое лицо, со встрепанной шевелюрой. О, ужас, - на его шее полированным никелем красовался титановый голосовой индикатор, контролирующий практические функции окружающей среды и организма. Брехт никак не мог понять, как это он выходя из «машины Времени» упустил из виду такую чрезвычайно важную деталь.

Однако делать было нечего. Неловко плюхнувшись в кресло, он принял из рук Василия (а к этому времени они

уже окончательно перешли на «Ты») стакан и охотно выпил обжигающую жидкость, которая приятно освобождала тело от излишних забот.

Это уже потом, утром следующего дня, он по удивленному выражению лица Мастера понял, что накануне наболтал ему слишком много и о себе, и о «Машине Времени»...

Дни летели одни за другими с невероятной быстротой. За это время Альберт Брехт настолько сдружился с Кандинским, что уже ничего не скрывал от него и поведал ему все, что тот хотел знать и о Машине Времени, и о Евросоюзе, и о жизни в XXV столетии...

В свою очередь он с интересом изучал жизнь местных бургеров, наблюдал за их привычками, бытом и нравами. Единственным непостижимым предметом, как это ни странно, все еще оставался сам Василий Кандинский и его картины. Как человек, он производил приятное впечатление: начитанный, знающий и понимающий современные веяния в искусстве. Однако как художник он оказался настолько слабым, что вызывал чувство жалости или, по крайней мере, - недоумения. Брехт никак не мог понять, как произведения, созданные художником в 10-х годах XX столетия и хранящиеся в галерее Евросоюза, в реальности могли оказаться столь слабыми и несовершенными как в техническом исполнении, так и в манере подачи материала. Примитивный характер, отсутствие глубины символично-ассоциативного мышления и философского осмысления делали произведения Мастера ненужным хламом, а его самого – совершенно лишенным таланта. Того таланта, который вызывал восхищение исследователей искусства даже спустя столетия.

В короткие промежутки времени, когда Кандинский отлучался из дома, он заходил в мастерскую и подолгу рассматривал холсты, разбросанные по всему довольно просторному помещению. Вглядываясь в живописное пространство того или иного произведения он в редком случае замечал какое-то сходство с теми полотнами, которые давно и в подробности им были изучены в Евросоюзе. Изумлению его не

было предела. По вечерам же, сидя за кружкой горячего чая, Альберт Брехт пытался какими-то намеками в разговоре прояснить для себя уровень художественного мышления и философского миропознания Мастера, его способности к самоанализу собственного творчества. Однако все размышления, разговоры и намеки Альберта Брехта зачастую приводили художника в тупик, так как тот никак не мог понять, что хочет от него его странный гость.

А между тем с Кандинским стали происходить странные вещи: он все чаще и чаще стал отлучаться из города и, наконец, - исчез совсем.

Прошло три или четыре дня прежде чем Альберт Брехт заподозрил неладное. Он бросился к шкафчику, где хранился шейный индикатор, но жизненно важный для него прибор исчез...

Брехт вспомнил, что накануне исчезновения он заявил Мастеру, что ему пора возвращаться и тот как-то странно на него посмотрел, но ничего не ответил. И вот он исчез.

Тревога нарастала с каждой минутой. Не смотря на довольно позднее время Брехт почти бегом отправился в темный, нависающий над городом лес и увидел, что стог сена разбросан, а Машина Времени исчезла...

Альберт Брехт с трудом разлепив глаза, медленно вывободился из-под пледа и шатаясь от слабости и напряжения подошел к зеркалу: на него смотрело худое, заросшее щетиной лицо. И сколько не силился, он никак не мог вспомнить сколько времени прошло от той ужасной ночи, ел ли он, спал ли он?

Подойдя к умывальнику он ополоснул лицо и зачерпнув медной кружкой застоявшуюся в ведре воду, совершенно не думая об опасности и последствиях, с жадностью выпил ее. Постепенно голова стала проясняться и он приобрел способность мыслить. День прошел словно в забытьи: он то плакал от жалости и боли, то стонал от бессилья и безысходности своего положения. Жизнь, казалась, законченной и не имеющей смысла.

Так прошла неделя, другая и постепенно Брехт стал приучать себя к мысли о невозможности исправить положение. Однажды от безделья слоняясь по двору он заглянул в мастерскую и начал переставлять разбросанные картины, сортируя их по степени готовности и манеры исполнения. На большом столе у широкого окна аккуратно в коробочках были уложены краски, пастельные палочки, различных оттенков соус, уголь и другие технические материалы. В вычурных вазах красовались колонковые и беличьи кисти. С такой же аккуратностью стопками там лежали наброски и эскизы будущих картин. Перебирая все это, Альберт Брехт, будучи сам талантливой и незаурядной личностью, взял в руки карандаш и стал подрисовывать некоторые, как ему казалось, недостающие детали и фрагменты к некоторым из них, придавая им законченный вид.

Ночь прошла на редкость спокойно, если не считать приятного возбуждения от созревшей в его мозгу мысли.

На утро, наскоро позавтракав, он отправился в мастерскую и расставив часть картин на мольберты и стулья, стал вносить в них живописные правки. Причем в творческом порыве дело доходило до такого состояния, когда от первоначального замысла почти не оставалось и следа. Этот процесс настолько захватил его, что он не заметил как дни летели за днями и вскоре наступила глубокая осень...

Воскресный день 11 ноября 1910 года ничем не отличался от других дней Мурнау. Но в этот пасмурный день произошли два важных для него события: незадолго до обеда почтальон принес телеграмму из России. Его приятель (а точнее – приятель Василия Кандинского) Миша Ларионов вместе с футуристом Давидом Бурлюком в Киеве устраивает выставку и приглашает его (Василия Кандинского) принять в ней участие.

Второе событие произошло в четыре часа пополудни, когда из Мюнхена приехал новый член «Диких» с предложением организовать в одной из частных галерей Мюнхена выставку «Синий всадник».

К вечеру того же дня Альберт Брехт окончательно понял, что если он вынужден доживать свой век в этом времени, то должен стать Василием Кандинским.

... На утро следующего дня из дома вышел опрятно одетый в черной шляпе и с чисто выбритым лицом человек, в кармане которого лежали документы, подтверждающие, что он есть русский поданный, художник Василий Кандинский...

Май-июнь 2007 г.

ЦИРК «ШАПИТО»

Юрий Никулин! Это сейчас, в самом конце XX столетия, Юрий Никулин – величайший артист России, директор цирка на Цветном бульваре, артист кино и эстрады. А тогда, в самом начале 70-х годов, это был еще практически неизвестный артист цирка, клоун (в хорошем смысле слова), за плечами которого не было еще груза известности и сыгранных ролей в кино.

Нет, я не был лично знаком с ним. Но свою первую встречу с этим замечательным человеком, артистом и художником я помню как сейчас.

... Стояло жаркое лето 197...года. Я, молодой парень лет 25-ти, на своем мотоциклишке подкатил к базарной площади Курска – одного из провинциальных городов России и сняв запыленный шлем присел на бордюр шоссе. Немного отдышавшись от долгой дороги, я оглянулся по сторонам. Направо от меня, в глубине невысоких кустарников и деревьев, я заметил строение странного вида. Высокое круглое здание, обшитое вертикально поставленными деревянными досками, выкрашенными в грязно-синий цвет. По верху всего периметра этого круглого барабана шла открытая галерея, с земли которой тянулась достаточно грубая, но прочная ме-

таллическая лестница. Сверху шатер был покрыт конусовидным полотняным куполом, над которым развивался какой-то стяг со ставшими на дыбы белыми цирковыми конями.

Заинтересовавшись этим странным сооружением я перевел взгляд на развешенные рядом афиши, которые гласили, что «Впервые в мире. Смертельный номер: езда на мотоцикле под куполом цирка». И, поскольку, у меня было достаточно времени, я, привлекаемый такой афишей и раздававшимся откуда-то изнутри барабана мотоциклетным рычанием, подошел к кассе и купил билет на ближайший сеанс.

Ждать пришлось недолго и вот я уже на открытой галерее у самой верхней кромки барабана. Зрителей было немного и я смог внимательно оглядеть внутреннее устройство этого сооружения. Впрочем, оно было достаточно простым: диаметр барабана был метров 15-20. Стенки внутри его были выложены из плотно подогнанных и некрашенных деревянных досок, поставленных на ребро. Внизу барабана виднелась толстая потайная дверь, которая плотно закрывалась во время представления. Деревянный пол был выкрашен какой-то красноватой и желтой краской по типу полового покрытия.

Наглазевшись вволю, зрители начали было проявлять нетерпение, как, вдруг, без всякого объявления в центр круга на импровизированных палочках с головой лошади «въехали» два клоуна: один очень маленького роста, в широченных штанинах, подвижный, с размалеванными щеками и красным шариком на носу, другой – высокий, худощавый, с тубейкой на голове и оттопыренными ушами. Прокричав что-то в сторону зрителей и облив друг друга тоненькими струйками воды из «лошадок на палочке», они начали гоняться друг за другом по манежу. Клоуны проделали уже несколько забавных трюков, как вновь открылась потайная дверь и на арену вступил конферансье, одетый в черный сюртук из блестящего атласа.

«На манеже, - объявил он, - впервые на суд зрителей вашего городка выносится оригинальный номер, в исполне-

нии Заслуженного артиста Советского Союза Михаила Румянцева, всем известного «Карандаша» и клоуна, артиста цирка - Юрия Никулина!..»

Выслушав подобное объявление о себе, клоуны тут же, не сговариваясь, облили того струйками воды, выливавшихся из деревянных лошадиных голов с тряпичными гривами.

И началось новое представление в исполнении этих талантливых мастеров цирка.

Буйство фантазии, клоунада и игра со зрителем, сменялась выступлениями мотоциклистов со стоящими на заднем сиденье молодыми ассистентками в красочных театральных костюмах, которые на виражах разворачивали огромные шелковые полотнища, переливающиеся в свете осветительных прожекторов. Возникало фантастическое и феерическое ощущение стремительно летящих по воздуху мотоциклистов. Восторгу зрителей не было предела. Но я, как это ни странно, с нетерпением ждал новых выступлений эксцентриков. И они не заставили себя ждать.

Следующий их номер, согласно объявлению все того же конферансье был «Кинопроба». Нужно сказать, что впоследствии я много раз видел этот номер в исполнении Юрия Никулина, но уже в паре с другим артистом. Сейчас же этот номер видимо проходил «обкатку» и выглядел несколько иначе, чем в последующих представлениях.

Много лет спустя я часто вспоминаю эту мимолетную встречу с артистами. А, тогда, в те далекие годы, я даже представить себе не мог, что их ожидает громкая Слава и Всенародная любовь...

ПРОВИНЦИАЛ

Господи! Зачем Ты родил меня! Какую сласть иль горечь я должен испытать, чтоб насладить тебя! Зачем мой разум обольщается надеждами, которые разбиваются о скалы «человеческой глупости».

Что скажешь ты, мой читатель, на больные реплики мои? Мой разум, помутненный телевизионными репортажами «с места событий» готов взорваться миллионами осколков от вселенского катастрофизма и нет конца всему этому апокалиптическому видению.

...Мрачный 38-й мутным свинцово-тяжелым похмельем давил меня каж-дой строчкой ахматовских строк:

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

Но, чу – на огненно-красном коне навстречу несется XXI век. Век кровавых войн и абсолютного безразличия к судьбам человекоподобных. Вакханалия безумства, алчность и пороки охватили его. «Смерть культуры» Ивана Мясоедова материализовалась! Пороки и низменные страсти человечества обнажились до предела. «Возлюби ближнего своего» - вопишь Ты. – Но не слышен голос Твой. Балом правит Сатана.

Господи! Зачем Ты родил меня! Зачем я вижу это! Тебе нужны жертвы или свидетели?

Что могу сделать я для Тебя? Ты, наградивший меня разумом, но давший так мало возможностей для исправления грехов человеческих.

Бог и Сатана, любовь и смерть. Если хочешь поссорить людей между собой – отними у них разум. Сын против отца. Мать, загрызающая детей своих...

И снова кошмары: телевизионный репродуктор вещает о львовской трагедии. Сотни людей погибли от наводнений, землетрясений и пожаров. В Чечне и Израиле грохочут пушки. Голод и нищета охватили Украину.

...Провинциал отложил перо в сторону и задумался. Черные строчки, легко лежащие на белый лист бумаги завораживали своей непредсказуемостью.

Крик души, - подумалось ему. Но, ведь, он так и останется в этих строчках. Кому и зачем «кричит» он в этой глуши, называемой провинцией, где основным занятием населения является массовый психоз оболгать, обмануть или украть. И можно ли вообще выразить боль человеческую строчками черных чернил.

...Тяжелая и мрачно-черная карета, запряженная парой грязно-серой масти тяжеловозов, остановилась в центре площади. Площадью эту когда-то зеленую лужайку можно было назвать чисто условно. В черной грязи под проливным осенним дождем копошились какие-то люди в рваных лохмотьях. Угасающий костер источал зловоние. Путешественник со своей юной спутницей, выглянувшей было из приоткрытой двери кареты, поспешно захлопнул ее. Однако любопытство перебороло страх и отогнув непонятного цвета занавеску, он вновь выглянул через застекленное окно кареты. Мрачная картина предстала пред ним: в глубине лужайки, за свинцовой пеленой дождя в темноте начинающегося леса, ютились немногие уцелевшие крестьянские лачуги. От других же остались только черные провалы и остовы, вместе с хозяевами сожженных домов. Худые, как скелеты и черные от грязи собаки, сгрудившись возле чего-то лежащего на земле, остервенело рвали на клочки. Вглядевшись путешественники увидели, что это был полусгнивший труп маленького человечка. Дрожь охватила его и спутницу.

Неожиданно в слюдяное стекло кареты «вклеилась» кроваво-грязная кисть руки и обезображенное лицо уличного бродяги. Глаза его источали безумие и страх. Окровавленная пасть, искаженная в ужасном крике, как им казалось, не издавала ни звука.

Что делают они в этом аду? Франсиско, - парижанин испанского происхождения, - крепче сжал руку своей племянницы (а это был известный в светских кругах художник) и посмотрел в ее насмерть испуганные, широко открытые васильковые глаза. Еще час тому назад они с надеждой мчались в это богом забытое место, где жила родная сестра Франсиско с тем, чтобы оставить тут на время девушку, которая осталась сиротой из-за смерти родителей, умерших от чумы, пронесшейся этим летом 1667 года над Европой.

Здесь, в глуши лесов и полей, рассчитывали они найти покой и умиротворение. И вместо этого нашли ад, воспетый Данте. Чума и смерть преследовали их по пятам. Смерд заполнил все пространство на много миль вокруг. Вытащив из обшлага дорожного костюма батистовый надушенный платочек Франсиско закрыл им свой нос. Его племянница приложила к своему лицу мешочек с нюхательной солью. Однако запах тления проникал даже сквозь плотно подогнанные створки дверей кареты и не давал возможность дышать.

- Гони, гони, - завопил Франсиско и для верности больно ткнул своего кучера и слугу толстой тростью. Карета тяжело перевалилась с боку на бок и медленно тронулась с места.

Куда ехать? Где искать здоровое и безопасное место? Вот уже вторые сутки, как они в пути, и за все время своего путешествия видели только смерть и агонию сел и маленьких городков. Однако этот хутор был на столь великом отдалении от Парижа, что здесь они могли рассчитывать на удачу и умиротворение...

Сводки новостей не предвещали перемен: Елисейские поля в Париже затоплены мощным наводнением, вышедших из берегов рек. Дрезденская галерея эвакуируется, а в Праге в

затопленных домах гибнут люди. Вода подбирается к Восточной Германии и Венгрии. В Новороссийске разрушены сотни домов, погиб весь скот и зерновые. Телевидение захлебываясь вещает о глобальном потеплении климата, о парниковом эффекте, о таянии айсбергов в Северно-Ледовитом океане, об огромном метеорите, летящем из космоса на землю. Гигантская тень Сатаны в огненно-красном развивающемся одеянии надвигается на всю планету...

Провинциал, тяжело вздохнув, закрыл тетрадь, в которую записывал свои самые сокровенные мысли, подумал и взяв ручку на обложке крупно написал: «Своим потомкам, завещаю»...

16.08.2002 г

ВЫСТРЕЛ

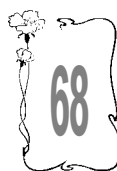
День был сумрачный и промозглый. Накануне всю ночь и весь день моросил мелкий и холодный дождь. Редкие прохожие, закутавшись в демисезонные пальто и плащи с низко надвинутыми черными зонтами, торопливо семенили, спешили по своим делам, осторожно перепрыгивая через свинцовые мокрые лужи. Широкий Кутузовский проспект на удивление был свободен от городского транспорта. Молодой человек, насквозь промокший и дрожащий от холода, тщетно пытался закутаться в свой тоненький и короткий пиджачок. В мокрых туфлях уже давно хлупала вода. Кто он и что делает здесь в такую пору на улице этого огромного города? Что ж, читатель, давайте я познакомлю вас с этим милым и ничем пока что не привлекательным человеком. Зовут его, ну скажем, - Яков. Впрочем – это неважно, ведь речь, собственно, пойдет не о нем, а о тех событиях, свидетелем которых он стал. На вид ему было лет двадцать – двадцать пять, не более. И судя по широко раскрытым удивленным его глазам, он был новичок в этом городе. Как впоследствии нам стало

ясно – прибыл он сюда пару месяцев назад из небольшого городка средней полосы России с единственной целью, - учиться ремеслу художника, в каком -нибудь престижном и известном на всю страну училище. И, вот, полный романтических грез с молодым задором шлепает он с занятий по Кутузовскому проспекту из своей общаги, радуясь и холодному дождю, и удаче, что так все быстро и хорошо устроилось с его поступлением. И, казалось, ничто не могло изменить его бодрого настроения, ведь он жил в самой прекрасной стране на земле, называемой СССР. И это ничего, что его желудок давно уже просит есть; что почти ничего не осталось в кармане от сэкономленных денег, потраченных на приобретение самых необходимых вещей, нужных для учебы и жизни в общежитии, где кроме обшарпанных и когда-то покрашенных темно-зеленой краской стен, ничего не было. И, как это не странно, его совершенно не волновало то обстоятельство, что скоро, очень скоро начнутся холода, а вся его одежонка состояла в том, что было на нем. Он был упоен счастьем и молодостью...

Так, или примерно так, должен был размышлять наш молодой человек, шагающий по лужам и с любопытством вертя головой, замечая все подробности Кутузовского. А вот и знаменитая арка, поставленная здесь в XIX веке в честь победы над Наполеоном. Где-то здесь, за поворотом, должна показаться и знаменитая панорама Бородинского сражения, куда он и направлял свои стопы. Но, видимо, не суждено было ему в этот день попасть в музей, потому что до поворота он так и не дошел...

Серый, туманный от дождя день неожиданно пререзал вой сирены. Разбрызгивая грязные лужи, мимо на огромной скорости летела милицейская машина, а из репродуктора, устроенного на кабине, звучали какие-то строгие слова, заставляющие небольшие кучки людей тесниться вглубь тротуара. Редкие прохожие завертели головами и, вытягивая шеи, стали пристально всматриваться в даль проспекта. Вдруг один молодой человек, которому на вид было лет тридцать пять, остановившись возле него и вытягивая из брезентовой сумки аппарат, похожий на видеокамеру, произнес: «Сейчас

Брежнев проедет...». Торопливо щелкая какими-то кнопками и рычагами, он стал готовить аппарат для съемки. А вот и сам кортеж. Впереди мигая разноцветными огнями, но уже без сирены, летела белая «Волга», за которой тянулся целый караван черных и блестящих, как смола, машин. Как завороченный смотрел Яков на невиданное доселе зрелище. Надо же, он стал свидетелем события: а вдруг самого Брежнева увидит? За своими переживаниями и боязнью пропустить малейшие детали, он совершенно упустил из виду человека с видеокамерой. Но зато в подробности увидел картину другую: из мчавшейся на полной скорости второй по счету машины на короткое мгновение открылось окошко, из которого высунулась рука с чем-то черно-металлическим и он, скорее не услышал, а увидел два коротких всплеска огня. И прежде, чем окошко закрылось, весь кортеж уже скрылся из вида. Божьим зрением Яков вдруг увидел, как человек с видеокамерой, стоящий рядом с ним, как-то странно изогнулся и стал валиться на темно-серый от дождя асфальт. Повернувшись к нему, молодой человек с изумлением увидел два черно-красных пятна: одно на лбу в виде кровавой воронки, другое в области сердца, расплывающегося на красивой серо-голубоватой рубашке. Видеокамера, зажата в руке, спокойно лежала рядом. Смерть его была страшной и мгновенной.

На дворе стояла ранняя осень 1972 года...

4.04.2005 г.

ПИСЬМО К ДРУГУ

Друг мой!

Пишу тебе это письмо, но наперед знаю, что меня ты не поймешь и будешь дико и долго таращить на меня глаза с немим вопросом: «Так, что же ты хотел сказать?»...

Отец мой добрый и порядочный человек, воспитав своих детей до восемнадцатилетнего возраста, по традиции

послевоенного времени пустил их в «добровольное плавание по волнам океана жизни», практически не интересуясь их дальнейшей судьбой. И может быть моим младшим братьям эти слова покажутся совершенным абсурдными, но здесь я хочу выразить свою мысль и свое ощущение родственных чувств.

Часто у человека спрашивают: «Где твоя Родина?»

- Я не знаю, где «моя Родина». Когда был жив Советский Союз, я где-то в шутку, а где и всерьез говорил: «Моя Родина - Советский Союз». И это частично было правдой, так как вот уже более тридцати с лишним лет я нахожусь в одиночном плавании по волнам океана жизни. Одиночество - вот основное состояние моей души. Тоска по родственным и общечеловеческим чувствам - мое непреходящее состояние.

Мне было наверное около шести месяцев, когда умерла мать. Детство мое, как у всякого мальчишки было где-то трагическим, в меру комическим и романтическим. Юность и «взрослая жизнь» - это вечная борьба. Борьба за выживание и борьба за свое место под солнцем. В поисках счастья и лучшей доли я исколесил весь бывший Советский Союз. Но куда бы я не приехал - везде был «чужаком». Я обратил внимание даже на такую деталь, что приезжая к своим родителям, - я и там ощущал свое одиночество и свое отчуждение. В их празднике жизни я был лишним, а мне так хотелось тепла родного очага...

Жизнь заставляет быть философом.

Однако философия моя - это философия одиночки. Мне могут возразить, мол живя в обществе, среди людей, нельзя ощущать себя одиноким...

Нет, друг мой, если ты так говоришь, значит ничего не понял из того, что я пытаюсь тебе рассказать. Душа у меня одинока.

Я тянусь к тебе, как зеленый росток к солнцу, и что-же? Ты, меркантильный, ничего не знающий, весь пропитанный алчностью, человек, которому я нужен только для того, чтобы ты смог узнать - насколько я полезен для твоего нена-

сытного кошелька. А душа у меня щедрая, - я выплескиваю всего себя на твои грязные ладони и ты высасываешь из меня последние соки...

Мне часто приходилось слышать фразу: «Он родился не в ту эпоху». Так, вот и я, - родился не в ту эпоху. Мне уже за пятьдесят, а я каждую секунду ощущаю свое медленное убийство. Последнее время я заметил за собой странность, - мне не хочется выходить на улицу, к людям. Они меня медленно убивают своей тупостью, жестокостью, непорядочностью и эгоизмом. Не хочется общаться с ними, потому что в них я вижу тебя и говоря с тобой я вижу твои пустые глубоко безразличные и алчно-пугающие глаза. Ты слышишь только себя и свое Эго. И тогда начинаешь понимать, что такие как ты готовы уничтожить любого только за то, что существуешь.

Паранойя?

О нет, мой друг. Паранойя - это Ты и твоё зараженное проказой Общество. Не я болен, а твой мир, который вот уже десятилетиями находится в состоянии катарсиса и апокалипсиса.

- Что же ты хочешь?, - спрашиваешь меня.

- Чуда, да - чуда, когда в каждом уголке необъятной страны я мог бы утешиться и найти свою Родину.

- Кто же виноват в том, что ты не можешь найти свою Родину?

- Не знаю. Наверное я сам. Но если я это понимаю, то вся твоя беда состоит в том, что ты не видишь своего животного состояния. Ты свою жалкую жизнь считаешь верхом земного блаженства. Наслаждаясь ею, ты не понимаешь, что появление человека на земле - это дар космоса и предназначение твое божественное. Ты же сидишь внутри навозной кучи и давая наставле-

ния своим выкормышам, строго указываешь им не высовывать свою голову из этой кучи, так как свежий воздух убьет тебя. И если даже ты разъезжаешь на «мерседесе», то это еще не значит, что ты нашел свое счастье.

Впрочем, вероятно ты прав, - ты нашел свое счастье, - счастье глупца, который считает свое существование в невозможной куче - жизнью...

14.02.2002 г.

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ НА НОЧЬ

Посвящается Александру Шадрину,
рассказавшему мне эту историю

Дело было кажется в 198... году, - начал свою очередную байку дед Макар. Поехал я как-то со своим дальним родственником на рыбалку. Речушка у нас мелкая и рыба в ней не водится. Вот и задумал я отвезти его на Дальний утес, где и лес погуще, река поглубже да и луга пошире. Снарядил я накануне снасти, проверил и заправил свой старенький «Урал», и в начале 7-го утра, полусонные, тронулись в путь. Через час с небольшим, вдоволь напрыгавшись на жестких сиденьях, прибыли мы на место и стали разматывать снасти. И тут только выяснилось, что приманку то мы оставили дома.

Делать нечего. Наскоро собрали мы опять свое походное снаряжение и направились в сторону ближайшего хутора. А до него километра три. Минут через 15-20 остановил я свой мотоцикл у широкого подворья, обнесенного высоким деревянным забором из некрашенных досок. Над воротами был устроен навес, каких много на Урале. Однако по тому, что перед воротами росла первозданная зеленая трава, было видно, что по ней давно никто не ходил.

Сойдя с мотоцикла стали мы стучать в металлическую защелку, что была вделана в калитку в воротах. Стучали долго и настойчиво. Во дворе стояла мертвая тишина. Ни тебе

лая собаки, ни крика петуха и другой живности. Отчаявшись достучаться до хозяев, нажал я на рычаг запора и калитка со скрипом, но открылась. Вошли мы на широкий и небраный двор и оглянувшись кругом стали громко кричать, - звать хозяев. Вдруг, среди этой мертвой тишины, нам слышалось, что из дома доносится какой-то писк, похожий на слабый человеческий голос.

Поднявшись на высокое крыльцо, мы постучали и вошли в сени, а оттуда – в горницу. Трудно описать вам, мои друзья, что там мы увидели: густой полумрак из-за почти закрытых ставень скрывал убогую обстановку комнаты. Пол был усыпан остатками соломы пополам со старым тряпьем, по углам валялись какие-то валенки и разбитые табуреты, поленья, брошенные у закопченной стены большой русской печи. Широкий стол у окна, затянутого паутиной, был завален высохшими остатками пищи и давно не мытой посудой. В общем – впечатление самое ужасное. В добавок ко всему у противоположной стены мы увидели огромную железную кровать с кучей хлама, в глубине которой копошилось какое-то существо и издавало писк, более похожее на жалобное стенание. Вглядевшись мы увидели в этом тряпье высохшую до невозможности маленькую старушку, которая ослабевшими руками пыталась выкарабкаться из своего гнезда. Наши глаза, по привычке к полумраку увидели, что все ее тело, лицо и руки было покрыто какими-то кровоточащими язвами и прыщами. Баба Фрося, как она себя назвала, тонким жалобным голосом стала жаловаться, что нет сил подняться, что вот как третий день она ничего не ела...

Вдруг мой напарник по этому несчастью замахал руками и в ужасе отскочил в сторону. Я посмотрел на него и увидел, что он с отвращением с себя что-то сбрасывает. В этот момент мне на руки и лицо с потолка начали капать какие-то багряные капли, похожие на кровь. По плечам и спине застучали какие-то живые крошки. Оказалось, что это были клопы. Почти одновременно, не сговариваясь, мы подняли головы и увидели: весь потолок и стены представляли собой сплошную живую массу. И состояла эта масса из этих ужаса-

ющих кровопийц, - клопов. Их было тысячи, миллионы... Наскоро вытащив из походного мешка все наши съестные запасы, приготовленные для рыбалки, мы положив их на стол, пулей вылетели из избы и уже стоя во дворе, а затем у мотоцикла, долго еще осматривали себя, стряхивая застрявших в складках одежды этих отвратительных тварей.

О рыбалке уже никто не думал.

Сев на свой мотоцикл, мы понуро и медленно поплелись обратно...

2.02.2005 г.

ОГНЕННЫЕ ПЕТУХИ

Посвящается моему соседу по лестничной площадке Антонову Андрею Алексеевичу, рассказавшему мне эту историю...

В пивном баре стоял терпкий застоявшийся запах пива, соленой рыбы и еще чего-то, что резко выделяло это питейное заведение от других торговых точек. Николай Петрович, рассеянно слушая пустую болтовню своих случайных спутников (чуть не сказал – собутыльников), медленно потягивающих пиво из тяжелых стеклянных бокалов, тоскливо оглядывал полупустой бар. Время от времени дверь бара открывалась и тогда вместе с клубами освежающего морозного воздуха в бар вваливался очередной посетитель. Голова гудела то ли от спиртных паров удушливой пивной, то ли от излишне принятой накануне дозы водки, для убедительности и поддержания компании «заполированной» вином и шампанским. Нет, Николай Петрович не был ни алкоголиком, ни даже злоупотребляющим это зелье. Просто вчера, - 30 декабря 198... года, - в конце рабочего дня весь административный коллектив завода «Молот», где Николай Петрович работал простым инженером-конструктором, решил проводить старый уходящий год. Вот и набрался на радостях. А теперь

гудела не только голова, но заодно досталось и от жены. За-маливая грехи, с утра отправился он за новогодними покупками и подарками для своей супруги и внукам, которые обещали быть у них числа второго или третьего января, уже наступающего Нового года...

Вздохнув и сделав последний глоток мутноватой пивной жидкости советского производства Николай Петрович молча раскланялся со своими случайными спутниками и вышел на улицу. Поежившись от морозного воздуха, так непривычного для южного города, Николай Петрович повернул за угол пивной и направился к монотонно гудящему рынку... Вот и вечно снующие, что-то всегда предлагающие и чем-то всегда торгующие старушки у его входа...

Но неожиданно внимание Николая Петровича привлек старичок, одиноко стоящий в стороне от общей массы «базарных» старушек со странным взглядом во взоре. Пригля-дись к нему более внимательно, Николай Петрович заметил бы еще много странных вещей: на нем была черная шляпа-котелок, которая никак не вязалась со старомодной вязаной фуфайкой, каких уже не найдешь на современных торговых полках. Чуть впереди него стоял столик явно старинной работы такой же странной формы, как и он сам. Странность эта заключалась в необычности как самой столешницы, по торцу отделанной арабской ажурной вязью, так и наличием витых ножек, создающих у ее основания вензеля напоминающие языки пламени. К столику была прислонена толстая черная трость с красными прожилками, похожими на языки пламени и головой сатира, вырезанной из слоновой кости. На столе аккуратной стопкой лежали атласные покрывала-скатерти с необычным рисунком...

Переведя взор со старичка на скатерти, лежащие на небольшом столике, Николай Петрович с любопытством стал их рассматривать. А посмотреть была на что – небольшие по размерам, по периметру каждая из скатертей была украшена кантом с кроваво-красными арабскими письменами, странно сочетающимися с ярко-огненными петухами в центре покрывала, которые распушив огненные хвосты сцепились

в смертельной схватке друг с другом. Ни на одном из них рисунок в точности не повторялся, за исключением одного – везде находились изображения огненно-красных петухов, но в разных ракурсах...

Видя, что Николая Петровича явно заинтересовали эти скатерти, старик сказал фразу, которая еще больше разожгла его любопытство – «Это скатерти-самобранки». И добавил «Они исполняют любое желание своего хозяина».

- Ну, что Вы, - обиделся Николай Петрович. Вы меня за ребенка принимаете?

- Совершенно точно Вам говорю, - с такой же обидой ответил старичок и почему-то посмотрел на свою трость.

- И Вы их продаете?

- Продаю, - просто сказал старик и опять замолчал. «Хотите я Вам их продемонстрирую», - неожиданно откликнулся он.

Дурит меня старик, подумал Николай Петрович, и что бы уличить того во лжи и мошенничестве, сказал – если это так, то пусть на этой скатерти появится свежее ароматное яблоко... И не успел он закончить фразы, как петухи странным образом взмахнули крыльями и у их лап возникло реальное большое красное яблоко...

Эге, подумал Николай Петрович, этот старик наверняка знал, что я хочу заказать именно яблоко и заранее его подложил.

Словно прочитав его мысли старик произнес, а Вы еще что-нибудь закажите, не стесняйтесь.

А, вот и закажу, - в запальчивости воскликнул Николай Петрович, а сам лихорадочно стал соображать чтобы ему такое заказать, чего старик наверняка не сможет исполнить. Хочу...хочу, тут Николай Петрович вдруг подумал, что неплохо было бы сейчас опохмелиться... Хочу, чтобы здесь, сейчас появилась стопка хорошей и холодной водки...

Пожалуйста, - сказал старик и перед Николаем Петровичем появился хрустальный фужер явно старинной работы с холодной огненной жидкостью внутри, на ребре которого была посажена долька аппетитного свежего лимона.

С удовольствием проглотив водку с приятным и необычным вкусом, Николай Петрович с минуту постояв в нерешительности сказал: «И Вы действительно продаете такую вещь?».

- А почему бы и нет, - пожал тот плечами. Я Вам товар, Вы мне деньги – все честно.

- И... сколько это стоит?

- О, не беспокойтесь! В честь наступающего праздника я отдам Вам скатерть-самобранку по доступной Вам цене...

Вторая половина дня у Николая Петровича прошла без особых приключений: были приятные хлопоты по организации новогоднего ужина, встреча приглашенных гостей, шумные разговоры, смех и танцы. За свой подарок Николай Петрович вспомнил лишь через несколько часов после наступления Нового года, когда гости изрядно уже напились, наелись и навеселились.

- Предлагаю Вам, мои милые друзья и моя дорогая жена, сюрприз, который я приготовил всем вам «на закуску», - сказал Николай Петрович и достал из шкафа в передней уже известную нам скатерть-самобранку.

Все гости и его супруга с удивлением уставились на Николая Петровича, ожидая увидеть какую-нибудь очередную новогоднюю глупость, которую тот придумал.

Сдвинув в сторону пустые тарелки и бокалы, Николай Петрович положил на освободившееся место скатерть и на полном серьезе стал рассказывать всем собравшимся о встрече со стариком, о скатерти-самобранке, купленной им сегодня пополудни у входа на центральный севастопольский рынок (О, мои добрые друзья, приношу свои извинения за то, что сразу не сообщил вам, что действие происходит в Севастополе в году, указанном в начале нашего рассказа), о яблочке и стопке холодной водки. Чего не мог ожидать Николай

Петрович, так это взрыва хохота, который последовал за его откровениями. Николая Петровича сначала охватила обида, затем негодование, а затем – желание показать, доказать...

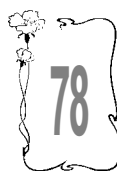
- Хотите верьте, хотите нет, но вы сами, сейчас можете в этом убедиться...

Хочу бутики с семгой, - поспешно сказала одна из присутствующих дам и в пьяном угаре уставилась на скатерть. И... ничего не произошло. Подождите, подождите – встрял с ответом Николай Петрович. Прошу вас говорить ясно и просто, чтобы ей было ясно чего вы заказываете...

- Хочу бутерброд с черным хлебом и семгой – настойчиво и четко повторила свою просьбу дама и тут же открыла рот от удивления: посредине скатерти стояла неглубокая резная деревянная тарелка с бутербродом из черного хлеба и ломтиком аппетитной семги...

Нужно было видеть изумленные лица всех присутствующих. Тут же наперебой все присутствующие стали «заказывать» яства и напитки и скатерть-самобранка еле успевала исполнять их желания. За два часа усиленного умственного труда у присутствующих полностью истощился запас их фантазии. Отдуваясь от сытных и диковинных подарков скатерти-самобранки в виде фруктов и различных яств, все уселись вокруг нее и стали бурно обсуждать чего может и чего не может исполнить эта чудо-скатерть. Наконец один из присутствующих выдал: мы еще не заказывали ей, - тут он сделал большую паузу, - и закончил – ...жареное человеческое мясо. Вспомните, поспешно заговорил он, словно боясь, что его неправильно поймут, наши детские книги о туземцах или, хотя бы книгу Даниеля Дефо о «Робинзоне Крузо», прожившем четырнадцать лет на необитаемом острове. Человеческое мясо – это так интересно, это круто...

Странно, но эта совершенно дикая мысль после короткого обсуждения вдруг нашла поддержку среди всей этой пьяной братии. Оставалось только произнести заветные слова. Честь эта выпала хозяину скатерти, что тот, хотя и с трудом, но исполнил...

- Хочу человеческое мясо, - неуверенно сказал Николай Петрович и уставился на скатерть. Но почему-то ничего не произошло.

-Хочу человеческое мясо, - более настойчиво и требовательно вновь сказал Николай Петрович и увидел как огненно-красные птицы встрепелулись, замахали своими крыльями и опять приняли свой прежний вид.

Я сказал – хочу жареного человеческого мяса, уже грозно потребовал Николай Петрович и от ужаса отскочил в сторону: все присутствующие неожиданно увидели, как огненные петухи замахали крыльями и от этих взмахов во все стороны полетели языки яркого пламени, от которых моментально воспламенились все вещи в квартире...

Той ночью многие жители города Севастополя были разбужены воем пожарных сирен, а по всему городу разносился запах жареного мяса...

22.09.2006 г.

VIA DOLOROSA

Мерный стук колес электропоезда настраивал нас на мирный лад, когда неожиданно открылась дверь тамбура и в вагон вошла бродяжка. Я не обратил бы на нее внимания, если бы не просьба моей спутницы поискать для попрошайки какую-нибудь мелочь. Достав из портмоне несколько металлических монет я протянул их бродяжке и только теперь заметил ее лицо и тощую фигуру в мятом, давно выцветшем плаще цвета перегнившей осенней листвы. Посмотрел, и тут же вспомнил ее и страшный, по своему содержанию, рассказ об этой несчастной женщине...

Пять-шесть лет тому назад тот же электропоезд перевозил меня от одной станции к другой (я тогда гостил у сво-

их дальних родственников, живших в Курской губернии между станциями С...да и З...но). Поездка моя была чисто прозаическая – побывать в родных местах, повидать родственников и знакомых. Был я тогда один без моей супруги и по этой причине был более свободен в своем выборе передвижения. Я сидел у окна электропоезда и о чем-то бойко рассуждал с еще непожилым и незнакомым мне человеком. Говорили о политике и «новых русских, прихватизировавших все, что только можно прихватизировать». На одной из станций в вагон вошла молодая женщина лет тридцати пяти в неярком плаще с небольшим пакетом в руке. Помню, что меня тогда очень сильно поразило лицо этой женщины – оно было какое-то застывшее и напряженное. Женщина остановилась у первых рядов вагонных деревянных скамеек и стала внимательно всматриваться в сидящих людей, а потом ничего не говоря пошла по рядам и все чего-то искала. Видимо не найдя искомого, она дернула дверную ручку тамбура и перешла в соседний вагон. Я перевел взгляд на своего соседа и увидел его страдальческое выражение лица. «Бедная женщина, - произнес он, - вот уж почти год, как она ищет своих детей...».

- Каких детей, - не понял я.

- Своих детей, - ответил сосед и замолчал.

Мне понадобилось еще несколько минут чтобы упростить его рассказать ту печальную историю, которую я придаю бумаге.

«Via dolorosa (лат. - «Путь страданий») – ее начался то ли в самом конце XX-го, то ли в самом начале теперешнего столетия, когда ее мужа-пьяницу поймали на воровстве. Пытался ограбить какую-то дачу «нового русского» под Курском, который на суде заявил о пропаже крупной суммы денег, антикварных вещей и прочего, чего, вероятно, у того и в помине не было. Дали этому пьянице четыре с половиной года и отправили в места не столь отдаленные. Однако имея склонность к дебоширству, пьянству и нездоровому телу он вскоре там, в тюрьме, и умер. Я тогда жил в той же деревне, что и они, и приходилось наблюдать, как эта бедная женщи-

на пыталась прокормить своих малолетних детей: одному тогда было четыре или пять, другому – три года. Вначале она всеми силами пыталась вести хозяйство: завела свиней, купила теленка. Однако кормить их было нечем и вскоре пал теленок, а затем продала на мясо и свиней. Стала побираться по дворам, просила милостыню, затем все чаще и чаще стала уходить на станцию, где побиралась по поездам. Домой возвращалась пьяная, где ее ждали малые неразумные дети, голодные и оборванные. Какие-то дальние родственники на другом краю деревни стали забирать детей к себе, но она ненадолго очнувшись от пьянства вновь уводила их домой. А однажды они исчезли. Люди поговаривали, что видели ее то с малолетними детьми где-то на вокзале в Курске, то в электричках. И вот, однажды, она напившись до полусмерти, их потеряла. Как говорят очевидцы, она три дня пролежала где-то под забором, а когда очнулась – ни детей, ни пожитков, с которыми она ходила. Ее грязную, потерявшую человеческий облик, подобрала милиция и отправила вначале в наркологическую клинику, а оттуда – в сумасшедший дом. Тронулась она умом.

Из клиники и сумасшедшего дома ее выписали через полгода. Вот с тех пор она и ходит по электричкам – ищет своих детей...».

Вот такая история, - заключил он, - и надолго замолчал.

Замолчал и я.

После такой печальной истории жизнь показалась мне мрачной и не особенно приветливой. А за окном, тем временем, проносились ромашковые поля с белыми и такими родными березками...

ПАЛАТА № 4

Я «... всегда раздражаюсь от проповедей: мне всегда казалось, что беспредметные рассуждения о добродетелях пишутся людьми, которым нечего делать или у которых на настоящее дело не хватает ни воли, ни сердца, ни умения – и вот размазывают, и как будто не возразишь, а уши вянут».

Алексей Ремизов

Нет, что ни говори, а при Советском Союзе жить было легче. Лечение в больнице было бесплатным, институты, санатории тоже были бесплатными...

И тут я взорвался. Терпеть не могу этих лже большевиков...

В палату № 4 неврологического отделения Первой городской больницы в городе «С» я попал в канун Нового 2011 года. Мне относительно повезло. Врачи поставили диагноз – ишемический инсульт. Однако после нескольких дней интенсивной терапии в виде большого количества капельниц и уколов речь моя вернулась, а вместе с нею я стал более-менее сообщать и мыслить. Вместе с прояснением сознания появился интерес к окружающему миру. А посмотреть было на что: в палате № 4 на восьми койках лежали легкораненные, - а точнее - полубольные с надеждой на выздоровление. Здесь было два кандидата наук (вместе со мной), ювелир-самоучка, председатель комитета ветеранов войны, бомж, два бывших работника морзавода и один колхозник из ближайшего села. Получился небольшой, но достаточно своеобразный срез общественной прослойки.

Для полноты картины следует описать саму палату.

Большая комната (квадратов 20-25) была тесно заставлена жутковатого вида панцирными кроватями, на которых лежали куски фанеры, старые доски или оторванные от подсобок двери. На эти «жесткие» устройства были брошены грязные и сбитые в комья матрацы, за многолетнюю эксплуатацию пропитанные потом, мочой и кровью.

Белья не полагалось и родным пришлось из дома принести чистые простыни с тем, чтобы застелить эти ужасные и вонючие матрацы.

В палате с глубоко застоявшимся воздухом пахло мочой и лекарствами. По сероватым и давно не крашеным стенам не стесняясь ползали огромные тараканы.

Пол, вероятно, когда-то был покрыт цветастым линолеумом, от которого остались остатки цепляющихся за ноги кусков непонятного цвета. Из щелей разбитых рам резко дуло холодным зимним ветром...

Для остроты ощущения следует добавить наше лечение: рано утром – обход врачей (надо им отдать должное: они в таких условиях делают даже больше, чем могут); затем следовали процедуры: медицинские и в большинстве своем равнодушные к проблемам больных сестрички ставили капельницы, делали уколы и... все, до следующего утра. Таким образом времени нам для философствования было хоть отбавляй. Вот мы и философствовали. Но, вот что странно: какую бы мы тему не брали для разговора, - все скатывалось к политике, к тем чиновникам, что у власти, беззакониям и коррупции во властных структурах.

- Нет, что ни говори, а мы сегодня живем в бандитской стране, - вещал один.

Другой ему возражал: «Причем здесь президент и его окружение, если мы в собственном городе не можем найти правды». Третий – «Нужно богатеев трясти. Вон сколько домов и особняков себе отгрохали. Земли и острова скупают по всему миру. Нужно забрать все и поделить...». Четвертый – «Я говорил и буду говорить: при Советском Союзе жить было легче. Лечение в больнице было бесплатным, институты, санатории тоже были бесплатными...».

И тут я взорвался (насколько это вообще было возможным в моем положении).

Вот Вы, - Петр Пахомыч, - на каком заводе работали? – обратился я к своему соседу по палате.

- На тринадцатом.

Скажите, он сейчас работает?

- Как он может работать, если его давно разграбили и разворовали?

А, кто его разворовал? Я? Так я на нем не работал. Следовательно его, вероятно, разворовали сами сотрудники и рабочие, и Вы, надо полагать, тоже..., а – Петр Пахомыч?

- Что я. Все тогда тащили и я, конечно, тоже. У меня до сих пор в гараже валяются когда-то дефицитные приборы, которые выпускал завод...

Так, что же Вы возмущаетесь, что в стране разруха и когда-то большие заводы не работают?

Скажите, - я повернул голову в сторону другого соседа по палате, - Вы, кажется, говорили, что работаете ювелиром? В вашей профессии, вероятно, тоже есть нечистоплотные на руку мастера в отношении с клиентами, да и между собой?

Сосед мой оживился, взгляд его заблестел и он выдал целую тираду:

- Вы хотите спросить: есть ли у нас возможность обманывать клиентов? Конечно есть. Вот, например, один из них: берете у заказчика золотую монету царской чеканки высшей пробы, а отливаете перстень или кулон из турецкого низкопробного, но пробу ставите самую высокую. А чтобы увеличить вес – добавляете в него железные опилки. При плавке с золотом они остаются внутри. И клиент доволен и я в выгоде...

Он хотел продолжать далее, но тут его перебил другой голос.

- Вот Вам пожалуйста, - разве это возможно было в советской стране...

Василий Максимович, - повернул я голову к нему, - а Вы кем работаете?

- Вот уже сорок лет, как я на административной работе при госадминистрации. Начинал с помощника начальника по работе с общественностью. Сейчас я – председатель ветеранской организации участников боевых действий.

- Василий Максимович, Вы часто бывали в домах отдыха и санаториях?

- К чему Вы клоните. Да, я часто отдыхал в санаториях. В Советском Союзе это было доступно каждому...

Господа! Обратился я к внимающей публике. Скажите, кто из вас бывал в санаториях?..

Ну, вот, видите, - Василий Максимович. Вы один из счастливичков, кто отдыхал за казенный счет.

А можете Вы ответить на такой вопрос, - не унимался я: «Почему в нашем городе «С» у каждого двух из трех человек имеется удостоверение участника боевых действий, в том числе – участника или инвалида Великой Отечественной войны. И это при том, заметьте, что со дня окончания войны прошло уже 65-ть лет. Если даже принять во внимание, что носитель этого удостоверения был призван на фронт в 18-летнем возрасте, то ему сегодня должно было быть не 65-70 лет, а восемьдесят три, а то и более.

Кстати, я так полагаю, Вы коммунист со стажем...

- Василий Максимович, - перебил меня мой коллега по науке – Киселев Алексей Александрович (он лежал в нашей палате будучи больным раком 3-й стадии). А это при Вас строилась эта больница? Вы тогда, наверное, не предполагали, что на старости лет будете лежать вместе с нами в социальной больнице для бедных.

- Это еще не самая худшая палата, - подал кто-то голос из угла. Я лежал в таких, где вши и клопы кишели в подушках и матрасах...

Кстати, о коммунистах и большевиках, - сказал я. У меня по этому поводу заготовлена целая лекция. И если Вы не против, то я поделюсь с вами некоторыми мыслями... И, поскольку, никто не возражал, я начал:

- знаете ли Вы, что с 1917 по 1921 годы в Крыму большевиками было расстреляно 365-ть тысяч дворянской и творческой интеллигенции. Это целый город, такой как наш «С»;

- знаете ли Вы, что до революции в нашем городе было более 120-ти церквей и соборов. На сегодня их сохранилось не более восьми... Только за это должно и нужно ненавидеть большевизм.

А теперь представьте следующую картину:

- в 1917 году, в момент октябрьского мужицкого переворота, к власти пришли все те, кто был ничем: мужики-лапотники, рабочие заводов, бандиты разных уровней, а то и люди с низшими наклонностями, политические проститутки. Весь цвет ими ненавистной нации, так называемой - «проклятой буржуазии», был расстрелян или изгнан в далекую эмиграцию. Дворянские усадьбы и особняки были сожжены или экспроприированы.

В связи с этим хочу предложить Вам рассмотреть проблему революции и пролетариата в нескольких ракурсах.

Возьмем, к примеру, созданные в 20-х годах большевиками на базе дворянских усадеб и имений колхозы и совхозы. Безграмотные и ожесточившиеся крестьяне, управляемые такими же невежественными большевиками, бездумно стали эксплуатировать барские земли, сельскохозяйственные машины, плодоносные и ухоженные сады, полноводные пруды, наполненные зеркальным карпом. И на первых порах все это работало. Но со временем машины изнашивались, земли и сады перестали плодоносить, пруды обмелели и затянулись тиной, липовые парки и аллеи были вырублены. И остались большевики вместе со своим пролетариатом у разбитого корыта. Здесь можно было бы задать вопрос: как они могут управлять государством, если они с колхозом или заводом не могут справиться?

Теперь эту же проблему рассмотрим с другого ракурса:

- уничтожив весь цвет нации, дворянскую, творческую и разночинскую интеллигенцию, пришедшие к власти необразованные и низменные классы с воровскими и разбойными наклонностями, а зачастую и просто психически нездоровые люди стали активно размножаться создавая себе подобных – психически неполноценных представителей нации пролетариата. Таким образом за девяносто с лишним лет существования советской власти мы получили страну генетически уродливую, разграбленную, нищую и разложившуюся, в которой существуют люди-уродцы с низкими моральными устоями, качествами, а то и вовсе без таковых...

Помолчав немного, я продолжал:

Кто из Вас не был свидетелем, когда на ваших глазах на дорогу бросали пластиковые бутылки; кто из Вас не видел в придорожных кустах огромное количество полиэтиленовых пакетов и других бытовых отходов; кто из Вас не видел, как молодые, а то и не очень молодые люди выпив бутылку пива, водки или вина с каким-то им только известным садистским бахвальством ударяли ею об асфальт и дурным смехом тогда раскатывался хохот идиота;

Мусор в подъездах, на улицах, в мозгах...

- А я был свидетелем, как один мой односельчанин на глазах детворы в колодец, из которого все берут питьевую воду и он в том числе, бросил сдохшего пса, - неожиданно подал голос мужчина лет сорока пяти (тот крестьянин, что из близлежащего села)...

Посмотрев на него, я ответил: «Ну, вот видите...» и продолжал:

- А теперь скажите мне, - какими мозгами нужно обладать, чтобы совершать подобное? А Вы еще спрашиваете – почему мы так плохо живем.

Я уже не говорю о хамском нашем поведении в магазинах, троллейбусах, рынках, в больницах и даже церквях.

Поэтому я еще раз говорю: большевизм должно и нужно обвинять в главном преступлении – изменение генетического сознания общества. Пролетариат, находившийся и до того на низшей ступени общественного развития, с помощью большевиков и коммунистов стал мутантом с низменными наклонностями, зачастую неосознающего своих поступков. И, что самое печальное – развивающегося с невероятной прогрессией, остановить которое уже никто не в силах...

- Да, печальную картину Вы нам тут понарисовали, - через минуту общего молчания произнес мой коллега Алексей Александрович. Я, конечно, не совсем здесь сказанным согласен, но в основном верно, хотя и жестоко...

- То, что Вы ненавидите большевиков мне более-менее понятно, но за что Вы так ненавидите пролетариев... Ведь

Вы, наверное, сами из этого же рода-племени... - тихо произнес бывший помощник начальника по работе с общественностью.

- Вот, за то и ненавижу, - так же просто ответил я...

А в дальнем углу лежал на койке бомж и уставившись глазами в потолок чему-то таинственно и загадочно улыбался...

Декабрь, 2010 г.

ДИКОЕ ПОЛЕ

Посвящается всему русскому дворянству,
пострадавшему от большевиков...

Дим Димыч, - позвольте представить Вам моего гостя. Его зовут ЯКов, - так, во всяком случае, он просит себя называть. Хотя, надо думать, - это его псевдоним, как у всякого писателя...

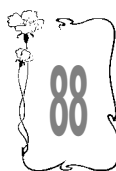
- Здравствуйте ЯКов, - просто сказал знакомец.

- Дим Димыч, а ведь он приехал по вашу душу, - продолжил хозяин дома. Я как-то сдуру рассказал ему вашу сказку про Дикое поле и вот уже который месяц он не дает мне покоя. Познакомь, да познакомь меня с дедом. Так, что принимай его и потчуй своими сказками и побасенками.

- Стар я, что бы вам молодым да дурным побасенки сказывать. Ты, вон, лучше Федьку попроси, он мастак сказки сказывать...

- Вы уж простите их неразумных, - вставил слово я. — Душа у них мхом поросла. Не знают и не ведают они, что судьбы человеческие иногда бывают глубже самого глубокого колодца. Я вообще считаю, что современному человеку, - особенно молодому, - уже никогда не понять и не постичь не то, что давно забытое, но даже 30-50 лет для них — целая пропасть. Вот и называют нас, стариков, сказочниками.

- Да глядя на Вас не скажешь, что Вы старик. Сколько Вам: пятьдесят, шестьдесят...

- Чуть больше, - ответил я.
- Ну... мне, вот, девяностый доходит, - сказал Дим Димыч и чему-то усмехнулся.

- А почему Вас Дим Димычем зовут, - спросил я.

- А кто я. Я и есть Дим Димыч.

А тебя как в нашу глушь занесло? В свою очередь и почему-то на Ты спросил меня старик. Неужто взаправду из-за Дикого поля?

Много лет тому назад, - начал я, - мне довелось познакомиться с одним молодым человеком со странным именем Давид. Тогда это была достаточно мрачная личность: он был замкнут, не понимал шуток и никогда не вступал в беседы. Было видно, что в его душе затаилась какая-то великая трагедия. Но он о ней никогда никому ничего не рассказывал. И лишь однажды, когда мы оказались в одной скромной рыбацкой компании на реке, затянутой тяжелым утренним туманом, он сказал: «Господи, как этот туман похож на тот – с Дикого поля...».

И сколько я не просил его рассказать мне об этой истории и Диком поле он все отмалчивался.

Старик внимательно посмотрел на меня и ответил: «Да – это, вероятно, был он. Но его звали Дэвид. Не Давид, а Дэвид. Он сын большой и греховной любви. Впрочем, здесь не время и не место говорить об этом. Если хотите, - приходите ко мне завтра после полудня...».

Приехать в Нижнюю Синячиху, что в самом сердце Урала, надо признаться, меня заставило не только желание услышать заинтриговавшую меня историю, связанную с Диким полем, но не менее удивительная судьба самого поселения, а точнее – деревни-острога, заложенной старообрядцами еще в допетровское время. И, как впоследствии выяснилось, мои ожидания оказались не напрасными: здесь и деревянная сторожевая башня с крепостным частоколом Араамшевского острога у реки Реж, чудом сохранившаяся до наших времен; здесь удивительный по красоте Спасо-Преображенский каменный собор, исполненный в лучших традициях

уральского барокко; разобранные и перенесенные из близлежащих и уже не существующих сел в Нижнюю Синячиху рубленные деревянные церкви и часовенки.

... Утро выдалось несколько пасмурным. Моросил мелкий и противный дождь (и это при том, что на дворе стоял июль месяц). Это обстоятельство заставило меня забыть о своем городском наряде и подчиниться всем законам сельского обывателя. Оставив на просушку мокрую одежду и туфли, безрассудно мною первоначально одетые и переодевшись

в любезно предоставленные мне рубище и кирзовые сапоги, я отправился осматривать местные достопримечательности. А посмотреть было на что: сама деревня живописно раскинулась в широкой луговине поймы реки с трех сторон ок-

руженной невысокими, но крутыми сопками, между которых несла свои воды быстрая Реж-река.

Времени до встречи с Дим Димычем, как мне казалось, было достаточно много и я отправился по почти единственной и пустынной деревенской дороге, все время петлявшей между домами то отдаляясь от реки, то почти вплотную подходя к ней. Неожиданно за поворотом, почти в самом конце деревни, на небольшом возвышении я увидел каменные постройки необычной для села архитектуры, явно создающие когда-то единый усадебный комплекс. Дождавшись, когда рядом со мной поравняется молодой человек, идущий от реки с рыболовными снастями, я спросил: «Скажите пожалуйста, а что это за постройки там, наверху?..».

- Это наш местный музей-усадьба, - был ответ.

Местный музей, да еще усадьба? Здесь, в глуши?..

Не раздумывая я стал подниматься по склону вверх по благоразумно кем-то брошенной деревянной стремянке, состоящей из широкой доски с набитыми на нее поперечинами-перекладами. И хотя доски были достаточно скользкими от дождя мне без особого труда удалось достичь ее вер-

шины. Вот я и у ворот, - точнее – у железной витой старинной работы калитки, вделанной в каменные квадратные столбы, от которых влево и вправо отходили невысокие из темно-красного побитого временем кирпича стены, местами сохранившие следы побелки. Стена, надо понимать, была оградой, окружающей всю усадьбу. Моему зору открылись постройки необычной архитектуры, напоминающие строения мещанско-купеческого городского стиля: барский дом, первый этаж которого почти полностью ушел под землю; бывшая надо полагать конюшня, кузня, одноэтажные дома для прислуги. Повернув голову влево я увидел угол деревянного амбара, за которым виднелась не то церковь, не то часовня. Еще левее сквозь пелену морозящего дождя просматривался сосновый бор, густо поросший кустарником...

Дядь, Вам кого? Неожиданно услышал я детский голос. Обернувшись, увидел девочку лет двенадцати, крепко держащую за руку своего братика лет восьми-деяти, с любопытством разглядывающих меня.

- А это что за усадьба с таким красивым домом, - спросил я.

- А, это Вы лучше у нашей бабушке спросите, - ответила девочка и указала куда-то в глубь двора.

- Спасибо, - вежливо ответил я и направился в указанном направлении. Действительно, за углом барского дома, под глубоким навесом деревянного амбара с аккуратно уложенными вдоль стены высокими поленицами березовых дров, я увидел сидящую в кресле старинной работы древнюю старушку, укрытую старым выдавшим виды пледом, возраст которой определить было почти невозможно, как невозможно было сказать и о самом кресле, побитом шашелем и временем.

- Простите! Позвольте узнать, - обратился я к ней, - что это за особняк такой?

- Этот особняк, как Вы изволили выразиться, когда-то принадлежал моим родителям: княгине Софье Каземировне, урожденной Раевской и моему отцу – Генриху Ипполитови-

чу Литвинову – дворянину из Екатеринбурга. Еще до революции они переехали сюда, в родовое поместье матери да так и остались здесь...

А Вы сударь кто будете. Я местных вроде всех знаю, а Вас вот вижу впервые.

- Позвольте представиться, - вежливо ответил я и назвал свою фамилию, должность и звание. А прибыл я сюда по приглашению одного вашего любезного сельчанина, который мне рассказал о необычной истории вашего села и Дикого поля. Эта история меня столь заинтересовала, что вот, наконец, решил посетить эти места. Прибыл я вчера и сразу попал на крестины, а соответственно – обильное застолье. А сегодня я попросту сбежал, так как с утра там начался похмел...

Горько усмехнувшись собеседница произнесла: «Да, любит у нас русский мужик гульнуть. Хлебом не корми, была бы только бутылка водки. Всю страну пропили...».

- Н-да, так что же Вам рассказал этот «Товарищ» о нашем Диком поле?..

Мне пришлось коротко поведать ей услышанное от моего знакомого, на что она ответила: «Враки и сплетни все это. Когда не знают как объяснить какие-нибудь явления, начинают придумывать. Это история и трагедия не только нашей деревни, но и всей нашей семьи, - и положив свою руку на грудь, продолжила, - она вот где. И эту трагедию, видимо как последняя из рода, я унесу с собой в могилу. Правда есть еще один человек...».

- Дим Димыч? - вырвалось у меня.

Она удивленно посмотрела на меня и спросила: «А Вы откуда его знаете?».

Пришлось признаться о знакомстве с ним на вчерашних крестинах.

- Совсем старик с ума спятил. Якшается с кем не попадая, - бросила старушка и замолчала.

- Впрочем, если Вы уж знакомы с ним, - сходите к нему. Нужно же, чтобы кто-то все-таки написал правду о нас; чтобы эта история стала хотя бы предупреждением для тех, кто сгубил нашу Россию и наш род...

Она помолчала и добавила: «Однако пообещайте же мне, что все, что Вы услышите и напишите прежде покажите мне. Я Вас буду ждать...».

- А как я могу найти Вас?

- А вон мой дом, - и она указала на еле заметную избенку, более похожую на сторожку у самой кромки леса, замеченную мной при входе на усадьбу.

- Да, да, - сударь! – Словно уловив мой немой вопрос произнесла она. Именно там я теперь обитаю. Выгнали нас большевики из собственного дома... Впрочем – это уже другая история.

Петя, Оля – идите сюда! – Позвала она играющих, не смотря на моросящий дождь, детей. Отведите дядю к церквушке и покажите ему наше Дикое поле. Только сами далеко не ходите, - вдруг с тревогой произнесла она.

- А Вас, сударь, я прошу непременно быть у меня. Усадьбу и дом Вы еще посмотрите. Сегодня все равно здесь все заперто. Непогода, да и желающих посмотреть на бывшее и всеми забытое дворянское прошлое не так уж и много...

Вежливо раскланявшись и взяв за маленькую ладошку девочку, я послушно пошел с ними за угол амбара в сторону церквушки и Дикого поля. Оно открылось неожиданно и сразу: с вершины противоположной стороны холма насколько хватало глаз лежала долина. Посреди затянутого мелко моросящим дождем и белой пеленой мокрого тумана, сквозь который местами проблескивали озера, - сказочным миражем возвышалась сопка, густо поросшая кустарником, березами и высокими соснами. Все это создавало грандиозное зрелище, захватывало дух. И, вдруг...

- Вы туда, дядя, не ходите, - произнес мальчик. Так дикуны живут.

- Какие еще дикуны? – удивленно спросил я.

- Ну, дикуны, которые в лесу живут, - ответила уже девочка.

Поняв, что от них многого не добьешься, я, полюбовавшись открывшимися видами, повернул в сторону невысокой церквушки, только сейчас заметив, что это была архи-

тектурная, хотя и изрядно потрепанная временем, сказка. Я много раз читал и слышал о деревянном церковном зодчестве в Кижах. Но, здесь, - на Урале? Я увидел архитектурный шедевр несколько не уступающий карельскому и архангельскому зодчеству: все его стены и окна, несмотря на запустение, продолжали сохранять искусство уральских умельцев, построивших одноглавую церквушку без единого гвоздя. Ее изящная главка, местами уже сгнившая и продуваемая ветрами, была исполнена из резных дощечек, ладно и плотно пригнанных друг к другу. Резной портал также свидетельствовал о хорошем вкусе уральских заказчиков.

Внутри попасть не удалось: как полагается на великолепной работы резных дверях висел наш, совковый, огромный амбарный замок – нелепая случайность среди всеобщего церковного ликования.

...Поблагодарив своих спутников, я направился все к той же тропе, откуда пришел. Начав уже спускаться по крутой деревянной стремянке (спуск оказался более трудным, чем подъем) я услышал голосок девочки, догнавшей меня: «Дядя! Бабушка сказала, что бы Вы сегодня к дедушке не ходили. Хозяин тайги будет ругаться».

- Какой еще хозяин тайги?

- Не знаю, бабушка так сказала...

Повернулась и ускакала.

Вернувшись тем же путем в дом моих добрых знакомых я встретил в крытом дворе молодую хозяйку, хлопчущую над грудой грязной посуды, оставшейся после крестин, и рассказал ей о странных словах, брошенных бабушкой. Молодица вдруг посерьезнела и сурово мне произнесла: «Если бабка так сказала – значит беда будет».

Вот, те раз! Какая еще беда?

Минут через тридцать-сорок появился сам хозяин. Пошептавшись с ним в сенцах молодые вдруг засобирались, попросив меня присмотреть за малышкой. Вскоре во дворе образовался шум от пригнанного с пастбища скота и птицы. Я никак не мог понять этого переполоха, пока сам хозяин,

видя на моем лице немой вопрос, не пояснил: «Видите ли, Дикое поле, из-за которого Вы сюда приехали, славится у нас дурным нравом. Вот уже многие годы оно держит всю округу в страхе. Когда на поле опускается туман, такой как сегодня, то непременно быть беде. Старые люди говорят, что на охоту выходят злые духи. И не дай Бог кому-то попасть под их чары. В этих местах уже столько людей погибло. Пропадает домашний скот и птица...».

- Кстати, я Вам не советую сегодня идти к Дим Димычу, беда может случиться.

Я сообщил ему о предупреждении старушки. На что он ответил: «Вот и правильно. Не ходите сегодня. Я сейчас своего племяша к нему отправлю. Пишите записку. Пойдете завтра».

К ночи, неожиданно для меня, над селом нависла зловещая тишина. Ко всему прочему обострился слух и появилось непонятное чувство страха. Первыми признаками тревоги проявили животные и ребенок в своей спальне: в хлеву на все голоса замычал и заблеял домашний скот; собаки забились в конуру или жались к ногам хозяина; в спальне не переставая плакала малютка; кот выгнув спину что-то угрожающе рычал в ночь...

А затем началось совсем уже необъяснимое: на полках и шкафах начала дребезжать посуда. Одновременно с этим где-то за селом кто-то глухо начал не то стонать, не то плакать и тогда по всей округе стали разноситься глухие тяжелые булькающие звуки.

Думаю, что в эту ночь в селе мало, кто спал...

Утро выдалось таким же хмурым, как и вчера. Над деревней висели тяжелые свинцовые облака, но дождя не было. Вместо приветствия мои хозяева сообщили, что по селу ползут слухи разные: одни говорят, что вчера с пастбища не вернулся молодой пастушок и его козы; другие свидетельствуют, что пастушок жив, а вот козы действительно исчезли; третьи сообщают (якобы со слов самого мальчика) что его вывели из тумана дикуны, живущие в лесу...

Из всего слышанного мне стало как-то не по себе и захотелось как можно быстрее покинуть эти места. Но уехать, не повидав Дим Димыча, не хотелось. Я все еще ожидал интересной истории...

Ближе к обеду во дворе дома, где я остановился, появился он сам, - Дим Димыч, сходу сообщивший, что пришел за мной. Я немедленно засобирався и через несколько минут мы оба уже семенили по мокрой и скользкой дороге только в обратном направлении, чем я ходил вчера. Дорога то круто петляла мимо домов, то опускалась или поднималась по склонам холмов. Вскоре мы оказались у деревянного моста, проложенного через неглубокую, но достаточно быструю и, как мне показалось, - холодную реку Реж (сами жители называют ее ласково – Реж-река). Пока мы шли к старой небольшой, уже изрядно потрепанной временем, избушке, спрятавшейся в густых зарослях уральской сопки, я успел рассказать старику о своих вчерашних и ночных приключениях. Он слушал меня внимательно, но словно так, будто ничего сверхъестественного для него не было.

В избушке, несмотря на летний день, в печке весело потрескивали дрова. Было тепло, если не сказать – жарко. Языки пламени, отблесками играющие на стенах, располагали к уюту и неге. Вскоре на столе появился разлитой в медные кружки пахучий чай, заваренный из трав, и прочая домашняя снедь.

Старик неторопливо отхлебывая горячий пахучий чай, заедая его черным душистым, домашней выпечки, хлебом, без всяких предисловий начал:

- Давно это было, так давно, что я уже сам начинаю сомневаться было это со мной или все причудилось...

Родители мои жили почти в центре Екатеринбурга недалеко от богатого дома Софьи Генриховны и ее родителей. Надо сказать, что княгиня Раевская со своим мужем – Генрихом Ипполитовичем бывали в городе не часто. Еще до революции они перебрались в свои уральские имения и занимались там натуральным хозяйством.

Отец мой служил чиновником при местном университете. Мать была дочерью крупного домовладельца, в одном из домов которого ее родители поселили нашу семью. Но пришла революция и все в одночасье исчезло: дома отобрали, а нас посадили на подводы и отправили сюда, где нашу семью приютили родственники – Софья Каземировна и Генрих Ипполитович. Мы жили в их усадьбе в отдельном флигеле, где вскоре родился я. Надо сказать, что Раевские были крупными помещиками: имели несколько деревень и большие пахотные, и лесные угодья. У них было двое детей: Матвей и уже известная Вам Софья, названная в честь своей матери – Софьи Каземировны Раевской. Они были на несколько лет старше меня. Так, что, как Вы видите, весь род наш был из древних потомственных дворян. Но после революции мы жили беднее бедного. Нас не выгнали из родового поместья тети Софы (как я пацаном ее называл) только потому, что Софья Каземировна сама, «добровольно», передала все свои угодья и деревни в пользу большевиков, устроивших из них колхозы. Впрочем я не буду сильно углубляться в историю нашей семьи, - ведь Вы не за этим сюда приехали... и внимательно посмотрел на меня. И, поскольку я вежливо промолчал, он продолжал:

- Трагедия в нашем селе разыгралась тогда, когда ее меньше всего ожидали. Однако, как Вы знаете, беда никогда не приходит одна: в середине 30-х годов известного нам века в деревню нагрянула НКВДэшная команда с двумя машинами красноармейцев, которые первым делом взялись за диких людей-старообрядцев, живущих своей общиной на сопке посреди Дикого поля. Они попытались силой вывести дикунов из леса для «добровольной» записи всех их в колхозы. Однако старообрядцы заперлись в своем молельном доме и когда красноармейцы начали стрелять подожгли себя. Только небольшой части лесной братии с детьми удалось спастись...

Через пару лет жизнь людей Дикого поля по-видимому стала налаживаться, поскольку власти временно оставили их в покое. Но тут разыгралась новая трагедия. На этот раз в нашей семье: мой троюродный брат и сын Софьи Каземи-

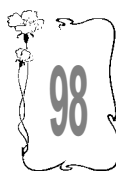
ровны – Матвей стал по ночам куда-то исчезать. Долго все ломали головы пока по селу не пронеслись слухи, что сын барыни (так Софью Каземировну продолжали называть на селе) влюбился в девочку-сиротку, живущую на другом конце деревни со своим дедом у самой кромки Дикого поля. Мать, - Софья Каземировна, - не на шутку перепугалась. Чего только она не делала: упрашивала сына оставить свои намерения, запрещала ему и даже запирала его в чулан. Но Матвей каким-то непостижимым образом выбирался оттуда и уди-рал к своей возлюбленной. И, однажды, после очередного семейного скандала, мать твердо заявила ему, что она проклянет весь его род, если он не бросит эту золушку-дикарку. Сын хлопнул дверью... и больше его никто никогда в селе не видел...

Через три месяца после этих событий от горя и слез умерла княгиня Софья Каземировна, урожденная Раевская. А вскоре в нашем селе опять появились НКВДэшники, кото-рые, на этот раз, приехали по наши души: под утро забрали Генриха Ипполитовича Литвинова-Раевского – отца Матвея и Софьи, моего отца, мою мать и меня – шестнадцатилетне-го хлопчика.

- Да, да, - молодой человек, - сказал Дим Димыч, видя на моем лице удивление. Я был для Советов «враг народа» и отработал в детской колонии на шахтах Соликамска полных десять лет и еще пять – на поселении... С родителями меня сразу разлучили и только в конце 50-х годов я узнал, что Ген-рих Ипполитович при аресте не выдержал пыток и скончал-ся в тюрьме, а о своих родителях я не знаю ничего до сего часа...

- Ну, а что же случилось с влюбленными? – тихо спро-сил я.

Ответ пришел не сразу: Дим Димыч встал из-за стола и тяжело шаркая ногами пересел на большой сундук, стоящий в дальнем темном углу и только сейчас увиденный мною. По-слышалось тихое сопение и покашливание старика, которо-го, по-видимому, душили слезы. Наконец, справившись с волнением, он вновь пересел к столу и спросил: «Вы что-то спросили?».

Пришлось еще раз повторить свой вопрос.

- Влюбленные? Да, влюбленные, - словно спохватившись произнес он. О них я узнал уже позже, когда вышел на свободу из рудников. Тогда эту историю поведала мне сама Софья Генриховна, да и от сельчан я кое-что услышал.

Словом, - молодые тайно ночью бежали в Дикое поле. А случилось это в час, когда над лугом зависла тяжелая пелена тумана, схожего на вчерашний. Первое время все считали их погибшими, так как Дикое поле еще никого не отпускало. Но в самой деревне стали происходить странные вещи: накануне каждого явления, когда Дикое поле просыпалось и покрывалось туманом с его неизменными угрозами беды, исходящими от него, на сопке, что посреди луговины, появлялись две фигурки и тогда над лугом раздавался дикий крик, похожий на рев, многократно помноженный эхом. Слов нельзя было разобрать, но люди понимали их как предупреждение и бросались спасать себя и скот от беды. Так продолжалось несколько лет. Можно было бы поставить на этом точку. Но случилось еще одно событие, о котором наши деревенские сплетницы кроме вымыслов сказать ничего не могут. Мне о нем стало известно из уст самой Софьи Генриховны. По ее словам, однажды ранним зимним утром, она вышла на припорошенное снегом крыльцо и была безмерно удивлена: на ступенях крыльца сидели двое: густо-заросший с грубо вставшими широко раскрытыми глазами тощего телосложения мужчина, одетый в какую-то грязную хламиду и в берестяных лаптях на босу ногу и мальчик лет девяти-десяти в таких же немыслимых одеждах. Это был ее родной брат Матвей со своим сыном. Я, признаться, не знаю о чем они там говорили (Софья Генриховна не любит распространяться на эту тему), но с тех пор в ее доме появился новый жилец. И, как Вы наверное догадались, - это был Дэвид, - ваш знакомец.

Сын Матвея был настоящим дикуном и Софье Генриховне понадобились долгие месяцы, что бы как-то исправить его манеры. Впрочем, вскоре через несколько лет он исчез так же внезапно, как и появился. Мы считали, что он вер-

нулся к староверам Дикого поля, а он, подишь-ты, неожиданно выскочил в вашем городе...

Старик надолго замолчал. А в печи, по-прежнему, весело потрескивали березовые поленья, напевая только им известную песенку...

P.S. Утром следующего дня я спешил к ставшей мне дорогой и любезной Софье Генриховне, урожденной княгине Раевской.

Увидел я ее издали: она сидела в своем излюбленном кресле, укрытая все тем же пледом, что и вчера. Но на этот раз она была не у амбара, а за внешней стеной усадьбы у самой кромки холма недалеко от резной калитки. Поспешно поднявшись к ней по той же скользкой лесенке я поднял голову и увидел неподвижный взгляд, устремленный куда-то вдаль и странную горьковатую улыбку на ее лице.

Я опоздал...

Январь, 2011 г.

ДУШЕПРИКАЗЧИК

Не каждый читатель может сказать о себе, что он хотя бы раз в своей жизни сталкивался с загадочным и таинственным явлением, которое перевернуло бы его сознание и привело к эпохальному историческому событию.

...Стояло жаркое лето 1989 года. Немолодой мужчина и начинающий историк искусства, в глубокой задумчивости стоял в одном из залов художественного музея провинциального городка (назовем его «П») возле одной из картин малоизвестного художника Ивана Мясоедова.

— А, ведь, он умер в Лихтенштейне, - вдруг послышалось рядом. Вздвогнув от неожиданности, мужчина обернулся и увидел стоящего рядом неизвестно откуда взявшегося старичка странной наружности: невысокий, плотный, в чистой и опрятной, хотя и старомодного покроя холщевой одежде, с

красивой седеющей окладистой бородой. Подумалось: «Словно из XIX века вышел»...

Оглянувшись он заметил, что в зале, где висели картины русских и украинских художников рубежа XIX – начала XX века, кроме них двоих никого не было.

Посмотрев на старичка мужчина ничего не ответил и продолжал внимательно всматриваться в развешанные полотна интересующего его художника. Наконец, у него созрел вопрос к странному старичку и обернувшись к нему готов был его задать, но... того рядом уже не оказалось. Удивившись такому обороту дела, я поспешно пошел по залам в надежде его отыскать. Не найдя в залах, направился в сторону выхода, но ни у в хода, ни в ближайшей видимости от музея он его не нашел. В музей возвращаться уже не хотелось и мужчина медленно пошел в сторону ближайшего парка, где сел на скамью и стал размышлять...

Как читатель мог уже догадаться – в образе историка искусства выступает автор этих строк, который вот уже два года, как занимается этой загадочной и оригинальной личностью, каким был Иван Мясоедов, - художника удивительной судьбы и оригинального творческого дарования. Впервые имя Ивана Мясоедова мною было услышано в 1987 году, когда вся наша семья переехала на жительство в этот провинциальный городок «П» из современного крупного промышленного города России, но с достаточно суровыми климатическими условиями.

Конечно, переезжая сюда, мне, как историку искусства, уже было известно, что в этом городке украинской глубинки похоронен известный художник и основатель передвижничества Григорий Мясоедов. Но то, что у этого мастера был сын Иван и, как утверждали современники, обладал не меньшим, а может быть даже большим талантом, чем его отец, я узнал впервые. Уже в первые месяцы своего пребывания нами были услышаны такие истории, что непременно захотелось поближе изучить эту неординарную личность. Вот с этим «немым» вопросом я и пришел в музейное здание в том далеком 1987 году. Людмила (так назовем мы нашу героиню

разговора), представившись как заведующая фондами музея, узнав причину моего прихода, сразу же отрезала: «Вам не следует заниматься этим художником, так как: во первых – он эмигрант; во вторых – о нем никто и ничего не знает и в третьих – его искусство чуждо пониманию широких масс (не правда ли знакомая фраза для коммунистического прошлого?). Поняв, что понапрасну трачу с ней свое время, я отправился в предместье городка под названием «Павленки» – усадьбу отца и сына Мясоедовых.

...Прохлада июльской ночи разверзлась тысячным многоголосьем оживших тварей, издававших самые разнообразные звуки, запахом цветущих трав и ароматом поспевающих яблок, груш и абрикосов в саду. На открытой веранде второго этажа старенькая, небольшого расточка, женщина, разливала чай из дымящегося и закопченного тульского самовара. Тут же, в кресле-качалке сидела завсегдатай мясоедовских вакханалий и застолий Любовь Платонова – рыжеволосая девица приятной наружности. Ее чуть на выкате глаза, с «мышкой» возле аккуратного с горбинкой носа, лучилось от смеха. Иван, сидя в другом углу веранды в высоком, но прочно сколоченном кресле, с юмором рассказывал присутствующим сегодняшнюю историю, как соседские барышни «глазели» за ними в щели в заборах и от удовольствия повизгивали как молодые борзые, купленные им накануне. Мальвина Верничи – спартанского вида, крепкая и мускулистая женщина, опершись на наружную стенку веранды, уходящей в сад, мягко перебирала струны гитары и «мурлыкала» какую-то песенку забавно коверкая русские слова. Мальвина – молодая жена Ивана Мясоедова, вслед за мужем недавно приехавшая в этот городок из далекой Италии, где работала цирковой актрисой и балериной. Она еще мало что понимала в жизненных устоях и традициях народа, почти не знала ни русского, ни украинского языка. С окружающими общалась с помощью жестов или своего супруга Ивана, уже успевшего изучить итальянский язык. Однако это не мешало ей быть заводилой малознакомого для провинциальной публики движения

«Naturmensch» - ухода человека в природу. Вот и накануне она активно руководила собравшимися девицами и парнями, позирующими перед объективом фотокамеры ее мужа в обнаженном виде. Иван, имеющий фигуру Аполлона и сам совершенно обнаженный, накрывшись с головой в черное и плотное покрывало наводил резкость своим новеньким «Фотокором», а Мальвина стоя перед камерой показывала членам «Сада богов» (как окрестил его сам художник) различные «Па» из балетного репертуара.

Сейчас, в этот вечерний час, на веранде велись тихие и неспешные разговоры, вспоминались недавние петербургские и московские события. Иван рассказывал о скандале в Академии, где ему пришлось выдержать целую баталию с Константином Маковским, который будучи членом академического Совета делал все возможное, чтобы не допустить его к конкурсу на третью заграничную поездку в качестве пенсионера; о своей поездке в Рим через Мюнхен, где встречался со своим учителем Францом Рубо. С юмором и каким-то азартом поведал о своем «выступлении» в знаменитом Колизее, где демонстрировал собравшимся красоту торса, а в одном из местных цирков поднял двухпудовые гири большее количество раз, чем выступающий там мировой силач.

— Кстати сказать, - я этот дом тоже задумал там, - сказал Иван и чему-то усмехнулся.

— Это не дом, а мышеловка, - проворчала старушка, открывая глечик с медом. Я от страха однажды чуть было не померла.

Иван приятно хохотнул, а она продолжала: «Зовет как-то меня к себе. Зайди, говорит, Петровна. Посмотри какой у меня дом будет. Ну я сдуру и зашла. А он подвел меня к какому-то выступу, а тот и раскрылся. Зайди, говорит, - посмотри удобно ли там стоять. Я и зашла, а дверца тут же захлопнулась. Как я вышла уж и сама не знаю. Только выходила я уже в совершенно другом месте, где-то в подвале, в его «секретных кабинетах». Натерпелась страху от окаянного. — Петровна в сердцах так звякнула блюдами, что они задребезжали.

Все рассмеялись и вновь потекли тихие разговоры о погоде, о выставках, о предстоящем бале в Дворянском собрании...

И, вот, появился этот старик. Кто он? Откуда и почему знает, что Иван умер в Лихтенштейне?

Все эти вопросы тяжелым грузом сразу навалились на меня. За два года работы над изучением жизненного и творческого пути Ивана Мясоедова я продвинулся уже значительно в своих поисках. Изучены десятки и даже сотни архивных документов, журнальные и мемуарные издания, но ни в одном из них нет даже намека на дальнейшую судьбу Ивана после известного октябрьского переворота 1917 года. И, вдруг, - Лихтенштейн! Почему Лихтенштейн!?

Однако вопрос задан, но как найти ответ на него? Как мне, «совковому» искусствоведу, в условиях тоталитарного коммунистического режима выйти на границу? Нет, конечно, испуга я не испытывал, но не было и надежды получить хоть какую-то информацию, что хранится за «железным занавесом».

Но все случилось, как всегда бывает, - однажды... Утренние телевизионные новости воскресного дня, как гром среди ясного неба, сообщили: «Приехавший из Лихтенштейна русский барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн подарил Русскому музею картину известного художника...»

Фальц-Фейн из Лихтенштейна?

Тут, уважаемый мой читатель, хочу остановиться и предупредить: начинается детективная история, которую невозможно просто взять и выдумать.

- Пишу письмо в Москву на телевидение с просьбой указать адрес Фальц-Фейна. Телевидение отвечает, что адресом барона не располагает и советует обратиться в Культурный фонд по связям с границей и дает адрес.

- Пишу в Культурный фонд. Культурный фонд отвечает отказом, но дает адрес Русского центра в Берлине.

- Пишу в Берлин и...о, удача! Получаю адрес барона Фальц-Фейна в Лихтенштейне...

А теперь, мой читатель, представьте себе и подсчитайте, - сколько времени должно было уйти на все эти переговоры?

Время тянулось так медленно, что сюрреалистические часы Сальвадора Дали ушли в далекое прошлое.

Э.А.Фальц-Фейн ответил неожиданным подарком: вместе с письмом от него я получил ксерокопию гравюры князя и княжны Трубецких работы Ивана Мясоедова и...адреса внука и внучки художника, проживающих в Мюнхене и Париже...

Прошло много лет. Я вновь, как когда-то стоял возле картин Ивана Мясоедова, развешанных в том же зале и в том же музее, смотрел на них, а рядом невидимой тенью находился «душеприказчик» художника, посланный им из небытия для того, чтобы я своим пером поведал людям и миру Историю о Мастере...

19.08.2002 г.

СТРАСТИ ПО ИВАНУ

Декабрь 1909 года выдался на редкость теплым. Снег, обычно лежащий в это время года, практически растаял и на дворе стояли грязные лужи. Снежная слякоть и сырость создавали горожанам массу неудобств и делали не замощенные дороги практически непроезжими.

Вот почему Иван, готовящийся к ежегодному бал-маскараду, проходившему в эти рождественские праздники в Дворянском собрании, с тревогой поглядывал на большой тракт, поблескивающий жирной грязью, перемешанный со снегом, откуда должен был появиться заказанный накануне извозчик.

Мясоедов старший – маститый художник и отец Ивана с ядовитой ухмылкой и вечно немим укором в глазах наблюдал за сборами своего «непутевого сына». В эти дни их отношения вновь обострились. Иван, несколько дней как приехав-

ший из Петербургской академии художеств на рождественские каникулы, уже успел наговорить своему отцу много нелицеприятного и враждебного его слуху: об упадке престижа передвижников в кругу студенческой молодежи, о выставке-сенсации импрессионистического искусства, о повальном увлечении манифестами Маринетти и «Бродячей собаке», где собирается именитая молодежь, и прочее, прочее.

Подобными рассуждениями он приводил Григория в неподдельную ярость. Вот почему, Григорий Григорьевич поначалу принявший было приглашение на бал, узнав, что на нем будет «блистать» его сын, в последнюю минуту сославшись на здоровье, предпочел отказаться и остаться дома. Его опасения, что Иван «отмочит» какую-нибудь новую глупость оправдывались самым худшим образом.

Иван же хорошо понимающий и чувствующий публику провинциального городка, в котором вырос и падкую на подобного рода розыгрыши, решил шокировать ее своей очередной выдумкой: в своей «берлоге» стоя совершенно голый перед зеркалом он поправлял леопардовую шкуру, переброшенную через плечо и пытался прикрепить «фиговый» листочек на одно из своих привлекательных мест. Григорий, случайно заглянувший в комнату флигеля, где находился Иван, побагровел от возмущения и уже собрался было сказать ему очередную резкость, как, вдруг, послышался колокольчик подъезжающей кареты.

...Бал в Дворянском собрании подходил к своему апогею. Королева бала, местная фаворитка губернатора, уже приступила к подведению итогов, как, вдруг, в зал вошел мажордом с докладом, что на тройке с бубенцами прибыл новый участник бала – художник Иван Мясоедов...

В одно мгновение зал замер, и взоры всех присутствующих обратились к парадной двери.

Причиной столь пристального внимания к молодому художнику был его постоянный эпатаж и экзальтация внешнего вида. Еще живы были слухи о том, как однажды Иван Мясоедов, обладающий красивой внешностью и стройной фигурой, облачившись в женскую одежду, нанял извозчика и

почти целый день раскатывал по городу, а когда пришла пора расплачиваться, то попросил того остановиться возле какой-то парадной и подождать, сказав ему: «Деньги Вам сейчас вынесут», после чего скрылся в дверях.

Далее, со слов извозчика дело происходило следующим образом: «Девушка» вошла в парадную и долго оттуда никто не выходил. Наконец, дверь парадной открылась и оттуда вышел скромный молодой человек красивой наружности с корзиной фруктов. Смело и как-то по особенному дерзко взглянув в лицо извозчика, он протянул ему яблоко и пошел своей дорогой по направлению к усадьбе Мясоедовых. Извозчик, просидев без движения пару часов, так и не получил долгожданных денег...

Эта история, рассказанная и для верности приукрашенная извозчиком, тем не менее, была принята обществом за чистую монету и все без исключения решили, что это дело рук Ивана Мясоедова.

...И, вот он появился.

Вздых глубокого удовлетворения пронесся по всему залу. Иван Мясоедов оправдал их ожидания: в зал вошел молодой человек выше среднего роста и атлетического телосложения, своим внешним видом напоминающий фигуру Аполлона. Его тело было совершенно обнажено. Через плечо перекинута леопардовая шкура, а на самом привлекательном месте был приклеен фиговый листочек.

...Приз за красоту торса и лучший маскарадный костюм ему был вручен немедленно.

Легенды и слухи летели за ним быстрее ветра. Где правда, а где ложь, - попробуй, разберись. Вся его жизнь – это сплошные легенды и мистификация, начиная от истории рождения...

Император Александр III заклеил конверт сургучной печатью с царским гербом и вручил его фельдъегерю, когда вошел слуга с докладом: «Ваше величество! Академик живописи Григорий Григорьевич Мясоедов просит принять его».

«В Розовом кабинете», - бросил тот и, подняв палец в белой перчатке, добавил: «и офицера по поручениям»... Ладонью показал, что сказал все.

Император сидел в кресле из красного бархата шитого золотом. Правой рукой он оперся на подлокотню в виде головы льва, а левой пригласил Мясоедова сесть напротив и произнес: «Слушаю Вас Григорий Григорьевич!»

– Ваше Величество. Прошу высочайшего соизволения на усыновление мальчика, который мне был подброшен в сентябре 1881 года.

– Вы уже назвали его как-то?

– Иваном, - Ваше Величество.

Александр III, пристально посмотрев на художника, произнес: «А, что это за история со студенткой Ивановой, - так, кажется, ее зовут? Говорят ваш сын от нее? – Впрочем... император помолчал и продолжил, - я надеюсь, что вы сами уладите этот вопрос как ни будь».

Он взглядом подозвал к себе дежурного офицера и дал указание подготовить все необходимые документы для утверждения Сенатом.

- Хочу просить у Вас совета. – Император вновь обратил свой взор на Мясоедова. – Что Вы думаете о нашей Академии...

Стояла осень 1888 года.

Григорий Мясоедов стоял за мольбертом, вынесенным непосредственно на натуру и писал угол сада, заваленный всяким хламом, когда ему доложили, что пришло письмо из Петербурга. Вскрыв конверт, запечатанный канцелярскими сургучными печатями, он прочитал: «В Правительствующий Сенат 15 сего марта внесен именной Высочайший указ о Всемиловитейшем дозволении воспитаннику Академика Императорской Академии Художеств Григория Григорьевича Мясоедова – Ивану, принять фамилию его воспитателя и отчество по его имени и пользоваться правами личного почетного гражданина»...

Давно уже отцвели сады, ушли из жизни свидетели и участники павленковских вакханалий, а легенды... легенды передаются из уст в уста, из поколения в поколение.

...Строительство нового усадебного дома было окутано какой-то тайной. Иван Мясоедов самолично следил за строительством дома, да так, будто создавал художественное полотно. Иногда он сам брал в руки мастерок и выкладывал кладку по только ему известному проекту. В других же случаях, когда ему требовалось отлучиться по делам Академии, надзор за строительством поручалось доверенным лицам – братьям Фроловым, которые недавно закончили работу над усадебным домом мирового силача Ивана Шемякина.

Каменщики и плотники, работающие над возведением мясоедовского дома, побаивались нового хозяина, обладающего буйным характером и не мерянной силой. У всех на памяти был случай, в котором они оказались невольными свидетелями:

Осень 1912 года выдалась холодной и слякотной. Один из извозчиков, пьяница и дебошир, подрядившийся к молодому хозяину усадьбы Ивану Мясоедову возить кирпич, в пьяном виде завел лошаденку в такую колею, что ни в перед, ни назад...

– Иван Григорьевич! Батюшка! Иди, угомони ты его окаянного, - запричитала старушка-повариха. Ведь убьет, паразит, лошадь, а она тут причем, если ты гад такой и пьяница...

Иван, выслушав причину такого переполоха, направился к воротам засучивая рукава.

– Иван Григорьевич! Ты уж милый не покалечь его, дурака-то... пронеслось ему вслед.

Подойдя к возу доверху забитым кирпичом и бедной, битой кнутом лошаденке, которая никак не могла выдержнуть застрявший воз из вязкой и глубокой колеи, Иван, увидев пьяного извозчика, так рассвирепел, что, несмотря на увещевания старушки, хватил того кулаком, да так, что чуть было дух из него не вышиб. Сам же, распрягши лошаденку, залез в оглобли и, поднатужившись, выдернул воз и грязи и тащил его до самых ворот усадьбы...

С тех пор рабочие и стали побаиваться показываться хозяину в пьяном виде, но и стали уважать за доброту и справедливость. Иван же этим поступком стяжал себе новую славу.

...Дом получился на славу легким и красивым. Двухэтажный, в стиле итальянского проекта-колодца с жилыми комнатами по периметру стен, с бассейном на подвесных цепях и...секретными подвалами под домом.

...Весной 1995 года мы стояли в саду мясоедовской усадьбы на Павленках. – Вот где-то здесь, - произнес наш собеседник, - Иван Мясоедов в 1915 году закапал бутылку шампанского. Это произошло в тот день, когда у него родилась дочь Изабелла. Эту бутылку он собирался откопать в день именин, когда ей исполнится восемнадцать лет, но, как вы знаете, произошла революция и художник бежал за границу.

Мы оглянулись по сторонам. Сад Мясоедовых благоухал всеми запахами трав и цветущих плодовых деревьев. Ощущение такое, что не было клятой революции, гражданской и отечественной войны, не было семидесятилетнего правления коммунистического режима.

Покой и умиротворение усадьбы настраивали нас на ностальгические воспоминания и фантазии...

1916 год. Напечатав в своих секретных подвалах очередную партию «Керенок», Иван Мясоедов отправился на рынок, который «кипел» не только крестьянскими извозами, но и торговыми шулерами, готовыми к любым незаконным операциям. Зайдя в лавку «менялы» - известного в городе шулера и торговца не только ценными бумагами, но и краденным, Иван Мясоедов, пробыв там минуты три, быстро вышел из лавки и, повернув за угол, направился к крытым арбам с живой и битой птицей. Следом за ним двинулся разбитной невзрачного вида малый, который, подойдя к одному из возов, что-то шепнул хозяину арбы. Тот, быстро посмотрел в сторону Ивана, одобрительно кивнул и взялся за вожжи.

...Бричка, скрипя всеми фибрами несмазанных колес, въезжала в усадьбу по пути собирая весь квартальный народ

Павленок. Закрыв на крепкий дубовый засов ворота, Иван стал быстро раздавать битую птицу всем, кто успел прийти и вскоре, через час с небольшим, от полной арбы птичьего мяса не осталось и следа. Слезы благодарности и радостные лица знакомого и незнакомого люда были ему дороже, чем все деньги мира.

Слух о проделке Ивана дошел до полицмейстера.

Через три дня, в разгар уборки плодов земных и небесных, в усадьбу ворвались квартальные во главе с полицмейстером. Стали обыскивать дом и «секретные подвалы», но... - ничего не нашли.

Распрощавшись с нашим случайным гидом, мы еще раз обошли мясоедовский дом, построенный незадолго до революции, и остановились у открытой двери. Наши сомнения, - войти или не войти, - развеял незнакомый мужчина лет семидесяти, который, узнав, что мы интересуемся судьбой Мясоедова, его домом и усадьбой, представился: «Я бывший директор гравиметрической обсерватории Панченко Николай Иванович». – Он протянул руку и поздоровался со мной и моей спутницей, супругой автора этих строк.

Мы попросили рассказать нам об обсерватории и истории ее возникновения на мясоедовской усадьбе.

В 1926 году, - начал он, - усадьба, как бесхозная, была передана на баланс Украинской палаты мер и весов. Здесь разместилась обсерватория, изучающая смещение полюсов земли. К этому времени от мясоедовской обстановки в доме почти ничего не осталось, - все растащили во время революции и сразу после нее. Ковры, зеркала, часы – все это до сих пор у кого-то хранится и при желании можно найти. А совсем недавно напольные часы, чудом сохраненные до сего дня, решением горсовета были переданы во вновь созданный музей Н.В.Гоголя в с. Васильевка (ныне Гоголево). И, кстати сказать, - это те самые часы, которые изображены на картине Г.Мясоедова «Молодые в доме помещика».

Николай Иванович помолчал, а потом, внимательно посмотрев на нас, произнес: «Пойдемте, я вам покажу «сек-

ретные подвалы», где Иван Мясоедов фальшивые деньги печатал»...

Панченко остановился перед лежащей плашмя толстой дверью в полу и сказал: «Прошу не шуметь и не топтать ногами. Там внутри стоят очень чувствительные датчики»...

Мы тихо и зачарованно ходили по широким коридорам таинственного «подземелья», которые как лабиринты петляли по всему пространству дома и обрывались самым неожиданным образом свежeweыложенной кирпичной кладкой. На наш тихий вопрос: «А что за этой или той стеной?», Николай Иванович полушепотом отвечал: «Ходы почти по всей территории усадьбы. Куда ведут – неизвестно».

Когда мы вновь очутились на открытом пространстве усадьбы, Николай Иванович добавил: «Первый директор обсерватории Александр Яковлевич Орлов мне рассказывал, что такие подвалы и подземные переходы они обнаруживали далеко за пределами дома».

– Николай Иванович, - Спрашиваю я, - а было ли что-то найдено в них?

– Вот этого сказать не могу. Я его не спрашивал.

– А скажите, - задаю ему новый вопрос, - не находили ли в доме или в подвалах картины Ивана? Ведь известно, что в 1919 году, когда художник бежал из города, огромные по размерам картины небыли найдены».

– И это мне неизвестно, - прозвучал ответ.

– Так может быть они до сих пор преспокойно лежат где-нибудь в этих подвалах?

– Все может быть, - ответил он...

Семидесятидвухлетний Мясоедов грустно подошел к окну своей мастерской. На него глядели серебристо-голубые горы и легкие воздушные облака чужого для него неба. Чужого, вот уже около тридцатипяти лет. Он вспомнил, как, однажды, в письме к своему берлинскому другу и русскому художнику Василию Масютину, он написал: «Здесь я не спокоен. Сидим на чемоданах уже 14 лет, а национального паспорта здесь не дают, если бы мы жили и 140 лет. Только за деньги в 24 ч. Бля...кое государство».

Лихтенштейн, принявший его в 1938 году, куда прибыл из Берлина, за пятнадцать лет так и не стал для него родным. И не только не стал, но по настоянию швейцарских властей ему снова предстоит экстрадиция. Поводом для его высылки послужили поддельные долларовые банкноты, случайно обнаруженные властями у его приятеля.

Все из-за своего дурацкого бахвальства, - подумал он. И словно вспомнив что-то, не спеша нагнулся к краю стола и, отодвинув потайную дверцу, аккуратно и осторожно достал оттуда цинковую пластинку. Придвинув ее к свету, Иван надел на глаза лупу с толстой линзой и через увеличительное стекло в правом нижнем углу увидел монограмму, - свое собственное клеймо, ювелирно выгравированное на полях сто долларовой пластины.

О, нас в Академии умели учить рисовать! – с гордостью повторил он слова, сказанные когда-то много лет назад в Берлине искусствоведу Алексею Сидорову, приехавшему тогда из Советской России. И усмехнувшись чему-то, добавил: «И не только»...

20.08.2002 г.

В ПОСТЕЛИ... С ВНУЧКОЙ

Самолет скрипел всеми фибрами своего старого заржавленного остова. Сквозь потрескавшуюся пластиковую обшивку тонкими струйками дул холодный пронизывающий ветер. Старенький «Воинг» кидало из стороны в сторону и особенно жутко становилось, когда он попадал в воздушные ямы. Сжавшись в комок я с напряжением всматривался в морозно-голубое пространство иллюминатора, сквозь которое просматривалось дребезжавшее от мощного напора узкое крыло самолета, побитое временем и воздушными баталиями. Казалось, что еще минута и очередной поток воздуха оторвет его от корпуса и тогда не миновать беды. Закутавшись плотнее в пиджак насколько это было возможно и скрестив руки на груди для общего согрева, я прислонился к спин-

ке старого потертого кресла и попытался утихомирить свои и без того напряженные нервы. Успокаивала только одна мысль, - исправить уже ничего невозможно, так как ты в воздухе на высоте порядка десяти тысяч метров над уровнем моря...

Час с небольшим тому назад я сидел в аэропорту Варшавы с любопытством наблюдая, как за окном снуют великолепные серебристые лайнеры, приземляющиеся или взлетающие с узкой взлетной полосы. Вероятно и мне предстоит ощутить всю прелесть полета в таком самолете, - подумалось мне, когда милый голосок «Сабрины» объявил, что начинается посадка в самолет рейсом «Варшава-Мюнхен-Цюрих». Взяв небольшой свой багаж, я направился к стойке регистрации.

...И, вот я лечу в облезлом, как драная кошка, самолете, хваленной фирмы с ласковым названием «Сабрина».

Было уже около семи часов вечера, когда я, наконец, сошел с трапа Боинга и пешком направился в сторону вокзала. Нас, пассажиров, никто не встречал, то ли по причине небольшого их количества, прилетевших в Цюрих этим рейсом, то ли класс нашего самолета не позволял такого рода внимания.

Получив свой багаж, вышел на привокзальную площадь и в растерянности остановился. Не зная ни города, ни расписания движения автобусов и поездов, да и с немецким языком имея существенные проблемы я, видимо, имел достаточно курьезный вид. Увидев одинокую фигуру растерянного пассажира, ко мне подошел плотного вида человек и указав на машину-такси, на немецком языке спросил, куда мне нужно ехать?

- Вадуц, - ответил я.

- О, Вадуц далеко. Будет дорого стоить.

- Сколько? – спросил я, лихорадочно соображая, что у меня в кармане всего лишь сотня с небольшим долларов на все мои командировочные расходы. Однако, поскольку на обратный путь билет был уже куплен, то мог хотя бы относительно быть спокойным.

- Тысячу долларов, - услышал ответ.

- Что! Тысячу долларов? Но у меня нет таких денег!..

Разочарованно посмотрев на меня, таксист отошел в сторону, но вскоре сообразив что-то вновь подошел и попытался разузнать зачем мне нужно в Вадуц и кто меня там ждет. С трудом поняв друг друга, он принял какое-то решение и достав мобильный телефон попросил у меня номер встречающего и ждущего меня в Вадуце друга и покровителя Адульфа Петера Гоопа. Переговорив несколько минут, таксист промолвил: «Ваш друг сказал, что Вы ему очень дорого стоите». И добавил: «Поехали».

Салон машины был мягким и удобным. Внутренне возликовав такому скорому решению своей неожиданно возникшей проблемы, я расслабил свои одеревеневшие от напряжения мышцы и предался внимательному обзору мелькавших за окном автомобиля аккуратно подстриженных деревьев, чистых и ухоженных хуторков, живописно раскинувшихся в узкой расщелине Альпийских гор...

Шел сентябрь 1997 года.

К описываемому времени я уже был достаточно известным в Украине ученым и исследователем творчества русско-украинского художника Ивана Григорьевича Мясоедова. С именем этого талантливоего интерпретатора стиля модерн, автора монументальных полотен на мифологические мотивы и темы национальной романтики, человека геркулесовой силы и фигурой Аполлона, связаны многие легенды, ходившие в Полтаве, где он проживал вместе со своим отцом, - известным художником, основателем Передвижничества Григорием Мясоедовым. Не приняв революцию 1917 года, Иван эмигрировал вначале в Германию, а затем в 1938 году - в княжество Лихтенштейн.

Посвятив многие годы этой неординарной личности, мне удалось не только восстановить жизненные и творческие пути художника, но внести свой личный вклад в увековечивание памяти: на собственные средства установить на

усадебном доме в Павленках, в Полтаве, мемориальную доску, пригласив на торжества внуков художника, проживающих в Мюнхене и Париже; наладить взаимообмен архивными материалами с лихтенштейнским исследователем и собирателем картин Ивана Мясоедова – Адульфом Петером Гоопом; каталогизировать произведения художника, хранящиеся в музеях России, Украины, Германии, Швейцарии и Лихтенштейна, а также – известных по публикациям и каталогам; опубликовать в журналах и сборниках ряд научно-исследовательских статей и т.д. Благодаря совместному вкладу и своей активности в 1992 году в Лихтенштейне сложилась ситуация, когда стало возможным создание в Вадуце специального Общества им. Ив.Мясоедова, известного там как Евгений Зотов. Вот это Общество и стало инициатором организации ретроспективных выставок, на одну из которых я и направлялся в качестве почетного гостя. Правда, это был мой не первый визит в Вадуц.

Впервые я побывал в Лихтенштейне в начале 90-х годов, уже после того, как ко мне в Полтаву по моему приглашению приехали известный русский барон Э.А.Фальц-Фейн и бывший юрисконсульт А.П.Гооп, проживающие в Вадуце. Тогда, в 1991 году, мне, моей супруге и еще малолетнему сыну, впервые удалось побывать за границей и увидеть, как по настоящему празднуют католическое Рождество в таком малодоступном, даже для туристов, месте, как Швейцария и княжество Лихтенштейн. Та далекая рождественская сказка запомнилась нам надолго...

Была уже глубокая ночь, когда тихо шелестя шинами, такси подкатило к небольшому ресторанчику, стоящему у неглубокой речушки, истока Рейна. Войдя в уютные залы мы были встречены радостными возгласами ожидания. После теплых дружеских объятий с Адульфом Петером, он представил меня присутствующим, где среди встречающих была вся творческая элита княжества: от бургомистра города до министра культуры и других представителей, включая и членов-учредителей Общества. Приятным сюрпризом для меня стала встреча с русским бароном Эдуардом Александрови-

чем Фальц-Фейном, с которым мы сдружились еще при первой нашей встрече в Полтаве в августе 1990 года и моем посещении Вадуца в декабре 1991 года, а также – внуками художника – Мишелем и Нанитой.

Адульф Петер подвел меня к персональному столику, где в центре изысканных закусок и легких вин, как вымпел, красовалась табличка «KOVALENKO».

...Глубоко за полночь, в легком опьянении от дружеских встреч, я в сопровождении внучки Ивана Мясоедова – Наниты Модлер, отправился в гостиницу. Город был освещен сотнями электрических лампочек и разноцветными гирляндами витрин магазинов и офисов. Высоко в темно-синем небе яркими бликами сверкали звезды. Нанита не говорила по русски, а я не знал французского и потому мы шли молча, тихо созерцая окружающую нас природу, пустынные улочки, погруженного в сон города, с завистью к местным жителям разглядывая сквозь мглу виднеющиеся горы, с нависающим над пропастью княжеским замком.

Дверь частной гостиницы, к которой мы подошли, оказалась запертой. Но Нанита вытащила из сумочки ключ и протянув мне, жестом показала, чтобы я открыл дверь, из чего можно было заключить, что она приехала из Парижа раньше меня и уже успела устроиться в этой гостинице. Зайдя внутрь и не найдя ни одной живой души, в том числе – самой хозяйки, я в растерянности остановился, – а где же мне ночевать? Как выяснилось, это обстоятельство было полной неожиданностью и для самой Наниты. После некоторого раздумья она, глядя на меня, вторым ключом на связке открыла свой номер и пригласила внутрь. Это был опрятный одноместный номер, с шкафом для белья, ванной и туалетом. Посреди красиво окрашенной комнаты стояла аккуратно застеленная широкая кровать. И поскольку мы были уже изрядно уставшие, а на дворе поздняя ночь, Нанита на понятном языке жестов указала мне на одну часть кровати, сама же перешла на другую сторону и начала раздеваться, предложив мне делать тоже самое. Через несколько минут мы оба нырнули под прохладное одеяло, светильник был потушен...

Проснулся я от яркого солнца наступающего дня. Посмотрев на часы, я тихонько коснулся руки Наниты, она открыла глаза и лучисто улыбнулась. Почти не стесняясь друг друга мы встали и начали одеваться к завтраку, который нас уже ожидал внизу. День предстоял быть насыщенным и интересным.

Это был день триумфа Ивана Мясоедова...

28. XII. 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Сказ о Мастере	
- О себе и своем творчестве	3-5
- Рассказы, автобиографические эссе	8-118
- На концерте Вертинского	8-13
- Диалог с вечностью	13-19
- Иисус Христос	19-25
- Кровавая пятница	26-27
- Я себя от Ленина чищу	28-31
- Сталин	31-33
- Убить дракона	33-39
- Веселая смерть	40-43
- Рассказ старого охотника	43-47
- Джоконда	47-51
- Сказ о Мастере	51-61
- Цирк «Шапито»	61-63
- Провинциал	64-67
- Выстрел	67-69
- Письмо к другу	69-72
- История, рассказанная на ночь	72-74
- Огненные петухи	74-79
- Via dolorosa	79-81
- Палата № 4	82-88
- Дикое поле	88-100
- Душеприказчик	100-105
- Страсти по Ивану	105-113
- В постели...с внучкой	113-118

А.И.Коваленко. Сказ о Мастере. Сборник рассказов и автобиографических эссе. - Севастополь, 2011. - 120 с.: ил.

Автор - Коваленко Анатолий Иванович является профессиональным искусствоведам, ученым и педагогом. Рассказы и эссе, представленные на суд читателя, - это его художественно-эстетические представления о современном мире, его ощущения о жизни и уходящей эпохе. Некоторые из них несут автобиографический характер и повествуют о событиях, участником которых он являлся.

Для моих друзей, близких и родственников, которым интересно мое творчество.

© А.И.Коваленко - составление, макет,
компьютерная верстка, 2008-2011

ISBN _____

